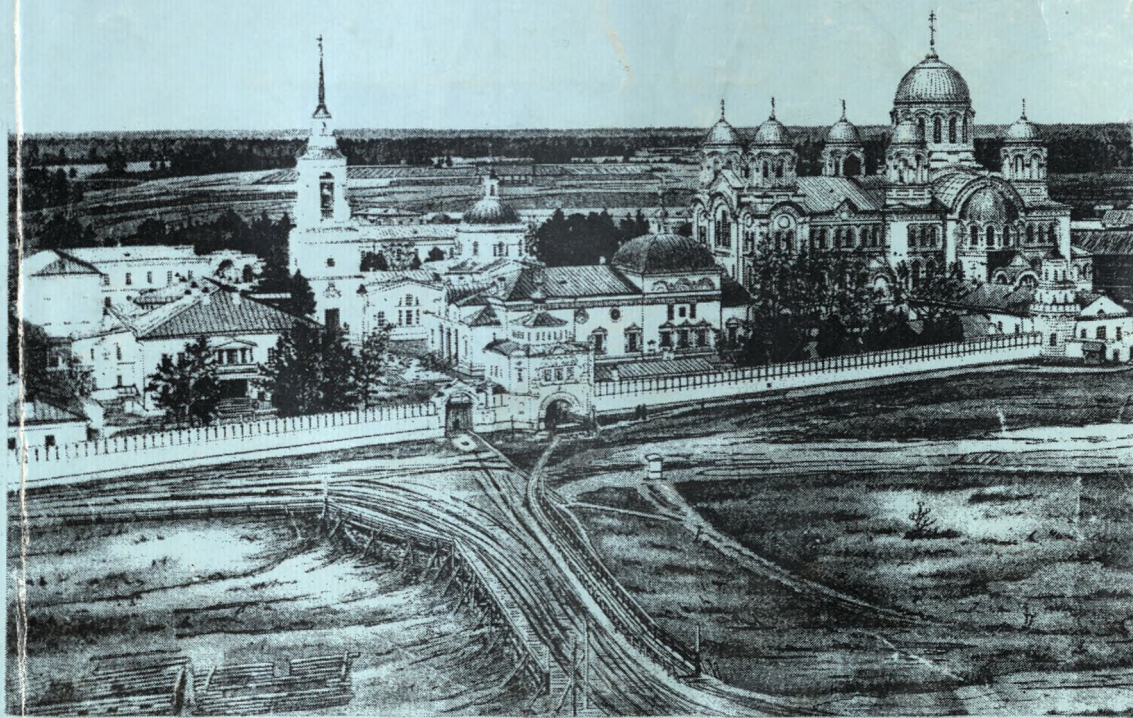

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ВЕРХОТУРСКИЙ КРАЙ В ИСТОРИИ РОССИИ

Екатеринбург
1997

• КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Коллич. пред. выдач.

24/11 00
2004
16/11 - 428

З ТМО Т. 2.160.000 З. 2514—87

63.3(2P36)
В 36 -3

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ВЕРХОТУРСКИЙ КРАЙ
В ИСТОРИИ РОССИИ**

42867
⊕

⊕
5

УрГПУ
Банк культурной информации

Екатеринбург
1997

Красноуральская ЦБС
Свердловской обл.

УДК 9 (470.5)
ББК ТЗ (2Р36)
В 36

Сборник посвящен 400-летию Верхотурья, одному из старейших городов региона, духовному центру Урала и Сибири, содержит статьи об истории присоединения региона к Российскому государству, истории Бабиновской дороги, истории и памятниках старины Верхотурского края, материалы по проблемам сохранения историко-культурного наследия, по методике обучения истории.

Издание рассчитано на научных сотрудников, преподавателей вузов и учителей школ, студентов и учащихся, а также всех, интересующихся историей Урала.

Редакционная коллегия:

к.и.н. проф. З.И.Гузенко
д.и.н. проф. Г.Е.Корнилов (гл. редактор)
к.и.н. доцент Т.Г.Мосунова
к.и.н. проф. Б.А.Сутырин
к.и.н. доцент Н.Н.Тагильцева (редактор-составитель)

ISBN 5-7851-0077-0

© УрГПУ, 1997 г.

© Индивидуальные авторы, 1997 г.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Выпуск сборника "Уральское краеведение" ставит задачу помочь педагогам, краеведам и всем, кому дорог Уральский край, сориентироваться в проблемах ураловедения. Он посвящен 400-летию овеянного легендами Верхотурья, одного из старейших городов региона, возникшего как таможенный пункт на Бабиновской дороге, связавшей Европейскую Россию и Сибирь в конце XVI столетия, и ставшего одновременно одним из духовных центров Урала и Сибири.

Долгие десятилетия некогда знаменитый уральский город как бы стал невидимкой на карте России, мало кто слышал о нем. Нет в Верхотурье промышленных гигантов, не проходят через него оживленные транспортные магистрали. Сведения в несколько строк о захолустном городке на севере Свердловской области еще недавно с трудом можно было отыскать в туристском путеводителе. А те немногие соотечественники, кого судьба ненароком заносила в Верхотурье, больше вспоминали не гигантский Крестовоздвиженский собор (второй по величине в России), не величественный ансамбль Свято-Николаевского монастыря, куда некогда на поклонение мощам Симеона Праведного, одного из наиболее почитаемых русских святых, стекались десятки тысяч верующих, а разбитые дороги, грязь, серость маленького провинциального городка; не упоминалось о Верхотурье ни в вузовских курсах, ни на уроках истории в средней школе.

К счастью, время расставляет все по своим местам. Ныне утверждается сознание того, что духовное возрождение россиян должно начаться с обращения к своим истокам, лежащим у порога отчего дома сокровищам. Для уральцев эти истоки во многом находятся в старинном Верхотурье. Поэтому обращение к историческому наследию этого российского города, его восстановление и возрождение есть шаг на долгом пути возрождения нашей духовности.

К.И. Зубков

РУССКИЙ ПУТЬ В СИБИРЬ (ОПЫТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Характеризуя сложившийся в XVI—XVII вв. и достаточно автономный от Европы русский «мир-экономику», Ф.Бродель писал: «Если Европа «изобрела» Америку, то России пришлось «изобретать» Сибирь»¹. Тем самым в переходе русской цивилизации за Урал был подчеркнут не столько объективно-поступательный характер этого процесса, сколько значение последнего как определенного проекта. Этот неожиданный взгляд на проблему заставляет обратить особое внимание на обстоятельства места и времени, которые были выбраны (а это именно так, коль скоро речь идет о проекте!) для свершения этого исторического шага. В самом деле, «довольно определенно», как констатирует Н.И. Никитин, объясняя социально-экономические предпосылки движения русских на Урал и в Сибирь², достигая завидной полноты в реконструкции мотивов, обстоятельств и конкретных деталей предпринятого Ермаком похода в Сибирь, историография с большими затруднениями находит ответы на «промежуточную» серию вопросов, уточняющих именно проективную, ситуационную сторону этого отчаянного предприятия: почему и каким образом вышеперечисленные общие предпосылки сфокусировались в данном месторазвитии, реализовались именно в таких, а не иных пространственно-временных «координатах»?

Парадокс заключается в том, что при обычной «линейной» логике рассмотрения временных и пространственных последовательностей можно сколько угодно долго выяснять конкретные детали и обстоятельства организации похода Ермака, но так и не приблизиться к ответам на целый ряд вопросов, касающихся исторической логики этого события. Почему Строгановы воспользовались царской грамотой от 30 мая 1574 г., предоставившей им право на освоение земель за Уралом, лишь в начале 1580-х гг.? Связано ли это только с приходом в их приуральские владения дружины Ермака? Почему вообще решающий переход русских за Урал состоялся по едва ли не самому трудному, малоизвестному и, как оказалось впоследствии, на своем начальном отрезке совершенно неперспективному из всех путей, ведущих в то время в Сибирь³? Выяснить это вряд ли возможно, опираясь лишь на изучение изолированного, исключительно «местного», сцепления обстоятельств. Использование геополитического метода (в данном случае — как метода широких пространственно-временных генерализаций) позволяет не только свести к минимуму роль случайного в этих событиях, но и выявить новое значение целого ряда исторических фактов.

В первую очередь необходимо понять, почему Ермаком не была использована самая «короткая и удобная дорога на Урал по Каме»⁴ — точнее, естественный маршрут, пролежавший в самой пониженной части Уральского хребта, где верховья Чусовой непосредственно примыкают к истокам рек бассейна Тобола. Тем более, что с падением Казанского ханства (1552 г.) и присоединением к Русскому государству в 1555-1556 гг. территорий западной, центральной и части южной Башкирии, все стратегические условия для этого шага как будто бы сложились. П.Н. Милюков очень близко подошел к разгадке этого обстоятельства, когда подчеркнул, что переход от национального «царства» к евразийской «империи» должен был совершаться в первую очередь в глубине лесной и лесостепной полос — «на той территории, которая ... являлась непо-

средственным расширением Европы на Западную Сибирь»⁵, а не там, где Русская равнина непосредственно соприкасалась со степными просторами Азии, в частности, с ведущей уфимскими степями на Тюмень, издавна проторенной «старой Казанской дорогой».

Последняя процветала как международный караванный путь еще во времена Булгарского царства, и с ее функционированием в эту эпоху связаны первые проникшие в средневековую Европу достоверные сведения о территориях Урала и юга Западной Сибири. В отличие от большинства западноевропейских картографов того времени, составители каталонских портоланов XIV в. были хорошо осведомлены о слиянии Волги (Tir) и Камы (Edil), «берущей начало в горах Сибири (Sebur)». (То, что Кама фигурировала здесь под древним тюркским названием Волги – Edil, Итиль, Идель – и рассматривалась как ее начало, говорит о совершенно периферийном еще значении русских земель по Верхней Волге и Оке в обеспечении этого маршрута международного торгового транзита). От низовьев Камы на восток к Уралу на картах пролегла целая цепь городов: Jorran, ciutat de Marmorea, Pascherti, Fachatim, Sebur. Некоторые из них могут быть идентифицированы более или менее достоверно. Так, Л.Багров отождествляет ciutat de Marmorea с Мамадышем, Fachatim, или (с учетом возможной ошибки в написании – замены близких по начертанию прописных «s» и «f») Sachatim, – с торговым татарским городом Жукотиным (Джукетау), неоднократно, по причине своего богатства, подвергавшимся разграблению (новгородскими ушкуйниками в 1360 и 1391 гг., московской великокняжеской ратью в 1399 г.)⁶. Pascherti каталонских карт – это, несомненно, название не города, а страны или народа башкир. Под сходным названием Pascátug эта страна, расположенная к востоку от Великой Булгарии, упоминается в написанном в 1260-х гг. «Opus majus» Роджера Бэкона, использовавшего для географического описания крайнего востока Европы, как установлено, отчеты о путешествиях Платона Карпини и Виллема Рубрука. В пользу этого предположения свидетельствует и прямое отождествление Р.Бэконом страны Паскатир с «Великой Венгрией» («из которой вышли гуны, позднее [называемые] хунгры, ныне они называются хунгары»)⁷. Sebur Л.Багров не рискует отождествлять непосредственно с Сибирью, но полагает, что ее название могло быть перенесено на какой-то торговый пункт, служивший «воротами» в ее пределы. В.Л.Егоров, ссылаясь на известную карту Пицигани (1367 г.) и результаты раскопок, выявивших на месте столицы Сибирского ханства мощный культурный слой золотоордынского времени, полагает, что Sebur западноевропейских карт – это все-таки ни что иное, как город Искер (Сибирь)⁸. Уже за Уральскими горами на портоланах указаны города Sugur и Singui. Хотя Л.Багров считает сведения о последних совершенно легендарными, их идентификация не представляется полностью безнадежной. Первое из наименований, как и в случае с Pascherti, может указывать на какое-то из таежных угорских (возможно, уже значительно тюркизированных) племен, вовлеченных в международную торговлю пушным товаром. Учитывая то, что этот этноним, скорее всего, татаро-булгарского происхождения, он мог обозначать «людей воды», «речных людей» (от общетюркского «су» – «вода», «река» и болгарского «огур» – «стрела», образно обозначавшего «племя», «род»). Наряду с этой наиболее общей гипотезой, нельзя полностью исключить и более конкретных привязок к местности, например, связи названия Sugur с промысловым вогульским населением районов верхней Юконды, левого притока р. Конды (где и сегодня крупнейшим поселением является пос. Шугур), или с обитавшими в низовьях Тобола ассимилированными тюрками-

«сицзырами» — важнейшим угорским компонентом в этногенезе искеротобольских татар⁹. Город же Singui — это, несомненно, Чинги-Тура (стоявший на месте нынешней Тюмени «град Чингиден» сибирских летописей первой половины XVII в.). Совершенно очевидно, что этот нанесенный на карту маршрут в точности воспроизводит «старую Казанскую дорогу» — караванный путь через уфимские степи, устойчивое существование которого П.Н.Милоков относил как раз ко временам Булгарского царства. Характерно, что вторичный расцвет Булгара как крупнейшего торгового центра Среднего Поволжья относится именно к XIV в. и именно в этот период Булгария, с большим напряжением сдерживавшая давление со стороны Москвы (с севера) и Золотой Орды (с юга), испытала заметное территориальное смещение в районы Вятки и Камы. Археологические материалы золотоордынского периода (в частности, прослеживаемые изменения в типах булгарской керамики) свидетельствуют о значительном усилении влияния в этническом составе населения Булгарии поволжско-финского и финно-угорского компонентов¹⁰.

Появление на каталонской карте 1375 г. сведений о Каме, Булгаре, а также «сибирского следа» — названия «Sebut» известный историк географических открытий С.Н.Марков связывает с возможностью присутствия в прибрежных городах Каталонии (в частности на о. Майорка) русских — либо пленных, либо купцов¹¹. Однако этому факту может быть найдено более простое и убедительное объяснение: посредниками в передаче сведений о Волжско-Камской Булгарии и Сибири каталонским картографам, несомненно, являлись генуэзцы, тем более что именно к XIV в. королевство Арагон (с входившей в его состав Каталонией) закрепляет свое политическое присутствие в Южной Италии — с 1282 г. на Сицилии, с 1324 г. на Сардинии. (Последняя непосредственно граничила с принадлежавшей Генуе Корсикой, более того — владея Балеарскими островами, Сардинией и Сицилией, Арагон мог в известной степени контролировать торговую активность Генуи в Средиземноморском бассейне). Вовлеченность же генуэзцев в политическую жизнь южнорусских степей — от монополизации европейской торговли с татарским Поволжьем через Перу (на Босфоре), Кафу и Солдайю (в Крыму) до прямой союзной помощи Мамаю (1380 г.) — была в XIV в. беспрецедентной. К 1374 г. относится даже попытка генуэзских пиратов проникнуть через волок между Доном и Волгой в Нижнее Поволжье. Характерно, что на каталонских картах отчетливо выделена стратегическая «ось» всей южнорусской торговли — «*pasagium*», или Волго-Донской волок.

Стремительное восхождение в середине XV в. Казанского ханства как торгового воспреемника Волжско-Камской Булгарии и политического — Золотой Орды, превращение Иски-Казани (Старой Казани) из периферийного булгарского форпоста (о чем говорит и происхождение топонима: «Каз-ан» — «начало границы, края, предела») в новый крупнейший центр поволжской торговли (Новая Казань), привлекая колонистов из Золотой Орды, Астрахани, Азова и Крыма, заслуживают особого внимания. Факт внезапного возвышения Казани в качестве политического и торгово-экономического соперника Москвы в Среднем Поволжье, с учетом всей ничтожности и случайности вызвавших его обстоятельств (превращение почти захиревшего пограничного городка в ставку изгнанного из Орды, бродячего хана, во многом случайное пленение Улу-Мухаммедом великого князя Василия II после битвы у Евфимиева монастыря в 1445 г.), подчеркивает значение не столько действовавших на исторической арене лиц и сил, сколько того места, которое оказалось центром притяжения этих событий. Здесь во всей полноте проявился смысл при-

надлежащего евразийской историософии концепта «месторазвитие» (или, в терминах более общей геополитической теории, «паттерна») как во многом диктующей ход истории, объективно обусловленной структуры географических элементов, в которую, по удачному выражению О.С. Широкова, «врастают национальные традиции и преемства»¹². (Единственным существенным уточнением этого концепта может быть в нашем случае лишь отход от характерных для евразийцев натуралистических, исключительно природно-ландшафтных, характеристик «месторазвития» и признание возрастающей с ходом истории роли техно-географического фактора). Закономерная смена периодов «замятни» и распада татарских военно-политических образований периодами их новой консолидации, тесная военно-стратегическая и «общединастическая» координация (неотделимая, впрочем, от острого соперничества и усобиц), существовавшая в XV – XVI вв. между татарскими ханствами от Крыма до Тюмени, подчеркивали значение волжско-камского пути в Сибирь и Среднюю Азию (через Тюмень) как устойчивой, самовоспроизводящейся геополитической структуры, заданной уже не только ее открытостью евразийской степи, но также коммуникационной «связностью» и общей заинтересованностью татарской знати в контроле за важнейшим маршрутом международной транзитной торговли. Прежде всего с этим последним обстоятельством следует связывать отмеченное П.Н. Савицким для XV – XVI вв. «продвижение татарских поселений и татарских политических центров» в относительно чуждую им природно-ландшафтную «нишу» – «из пределов степи в пределы лесной зоны»¹³, что в первую очередь подтверждают примеры Казани и Сибирского ханства.

В XVI в. эта геополитическая структура, охватывавшая пространство от Константинополя до юга Западной Сибири, явилась серьезной альтернативой усилившимся попыткам России включиться в международный европейско-азиатский торговый транзит в качестве главного его звена. Характерно, что на ряде западноевропейских карт XVI в., в частности, на изданной А. Ортелием в 1570 г. карте Э. Дженкинсона, страна TVMEN помещалась в непосредственном соседстве с Казанью (Cazane) и Вяткой (Vachin) и, если продолжить указанное картой направление Уральского хребта («гор Земного Пояса», Orbis Zona Montes), скорее к западу, чем к востоку от него. Несомненно, что подобным образом карта отразила более ранние географические представления, бытовавшие в период интенсивных торговых связей Казани с Западной Сибирью. Геополитическая интерпретация картографического материала эпохи позволяет подвергнуть существенному пересмотру сложившиеся историографические стереотипы. Карты XVI в. убеждают нас в том, что покорение Иваном Грозным Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.) трудно рассматривать в качестве непосредственной предпосылки или стратегической базы первоначального русского продвижения на Урал и в Сибирь. Дело в том, что практически все карты периода ориентируют географическую «связку» Пермь (Permia) – Вятка (Vachin, Viatka) – Казань (Cazane) с севера на юг, а не с востока на запад, как это сделал бы современный картограф. Поэтому, в представлении современников, Казань и Пермь являлись не последовательными этапами продвижения русских на восток, а двумя самостоятельными альтернативными (соответственно, «южным», татарским, и «северным», русским) подступами к Уралу и Сибири. Этот факт отчасти отразила, специфически расположив его в структуре исторического предания, народная память. В записанном И.И. Железновым на р. Урал сказе покорение Ермаком Сибири и его легендарное участие в походе на Казань и Астрахань излагаются в совершенно об-

ратной исторической ретроспективе¹⁴. В перспективе же «покорения» Сибири, стратегическое значение русского «взятия» поволжских ханств (как отчасти и последовавшего в 1586 г. основания г. Уфы) состояло, скорее, в разрушении или блокировании контролируемого татарами на всем протяжении волжско-камского пути в Сибирь и постоянно возобновлявшейся на этой основе крайне опасной для России геополитической конфигурации, описанной самим Иваном Грозным как проблема татарских «четырёх сабель» (крымской, астраханской, казанской и ногайской)¹⁵. С этой точки зрения, как справедливо подчеркивает А.А.Преображенский, для русского правительства «утвердить свою власть в Сибири вместе с тем означало укрепить господство над землями бывшего Казанского ханства», а не только наоборот¹⁶. Эта же геополитическая закономерность объясняет, почему арьергардные бои «сибирцев» против русских воевод даже в конце XVI в. включали и дальнеодносторонние военные операции, вроде похода сибирских царевичей Аблая и Тевкеля в союзе с калмыками на Уфу¹⁷. Поэтому в условиях Ливонской войны, когда в борьбу за «восстановление» Казанского и Астраханского ханств (как важнейших звеньев прежде непрерывной цепи татарских военно-политических образований) активно вступили Крым и стоявшая за ним османская Турция, было почти предопределено, что русское наступление в Сибирь могло состояться лишь в виде обтекающего беспокойное Среднее Поволжье и Нижнюю Каму обходного стратегического маневра, по альтернативному «старой Казанской дороге» и достаточно удаленному от нее маршруту.

Таким возможным стратегическим плацдармом завоевания Сибири мог вполне стать освоенный новгородцами еще в конце XI—XII вв. северный путь через Урал, которым в XV в. следовали в Югру и московские рати. То, что эта возможность не реализовалась, вряд ли можно связывать только с неблагоприятными природно-географическими условиями Северного Приобья (трудность северных путей, удаленность от жизненно важных центров страны, невозможность создать опорные пункты с постоянным населением), как это делает Н.И.Никитин [18]. В комбинации с морским «ходом» из Северной России в устья крупнейших рек Сибири северный путь через Урал вполне мог обрести устойчивое развитие и систему опорных пунктов (лучшим примером чему позднее стала Мангазея). Примечательно в этой связи и то, что поспешная «эвакуация» из Сибири в 1585 г. остатков отряда Ермака, а затем — с промежуточной зимовкой в Обском городке — отряда воеводы И.Мансурова происходила все-таки северным уральским путем — через Сось и Пустозерск.

Совершенно определенно и то, что первоначально планы Строгановых по расширению своего семейного «дела» на Сибирь были связаны именно с морской (или, скорее, комбинированной морской и речной) стратегией, обеспечивавшей им при покорении сибирских племен еще одно (наряду с огнестрельным оружием) чисто «европейское» преимущество. Вообще «европейское» измерение деятельности Строгановых явно недостаточно принималось нашей историографией во внимание в связи с подготовкой экспедиции Ермака. (Это можно сказать и о всей нашей историографии, продолжающей рассматривать покорение Сибири исключительно в традициях исторической борьбы с «татарщиной», без учета совершенно новой обстановки, созданной эпохой Великих географических открытий, — обстановки энергичной межгосударственной борьбы за относительные торговые преимущества). Между тем, активные торговые связи Строгановых с Западной Европой (особенно с Нидерландами), за счет которых отряд Ермака в 1581 г. был снаряжен на самом «передовом» техническом уровне своего времени, дали позднее повод националистически

настроенному татарскому историку Г. Газизу написать о помощи Строгановым всей «Европы, стремящейся к покорению восточных стран»¹⁹. В связи со Строгановыми известна деятельность фламандца Оливье Брунеля, который, находясь на службе у последних, посещал Обскую губу и спускался к морю вниз по Печоре (весьма характерный, на многое указывающий географический контур!), а в 1581 г. выезжал в Антверпен для найма опытных моряков для двух морских кораблей, построенных Строгановыми на Северной Двине – опять же с помощью «некоторого морского немецкого художника»²⁰. Нелишне заметить, что позднее многие посещавшие Россию иностранцы выделяли в многогранной деятельности Строгановых именно их обширную судостроительную «программу» (включая сооружение судов водоизмещением до 1000 т), благодаря которой велась обширная торговля – от сбыта соли, ржи и рыбы на Волге до приобретения пушнины у племен, населявших берега Оби²¹. Характерно и то, что впоследствии, с прокладкой сухопутных путей в Сибирь, крупные «плотбища» в Верхотурье и Тобольске продолжали играть едва ли не сопоставимую по значению со строительством острогов стратегическую роль в освоении Сибири. Вряд ли можно согласиться с категоричным выводом А. В. Висковатова о том, что строгановские суда предназначались исключительно для организации плаваний к Новой Земле (непонятно, почему для этого нельзя было ограничиться традиционными судами поморов?), но историк русского флота, безусловно, прав, когда пишет о том, что Строгановы в конце 1570-х гг. – явно по примеру англичан, а затем и голландцев – включились в активные морские разведки северо-восточного пути в легендарный Китай²². В тексте к голландской карте Северной России («Thresor der Zeevaret»), составленной в 1592 г. Л.-Я. Вагенааром, со ссылкой на рассказ О. Брунеля, упоминается о неудачном плавании последнего в 1584 г. с целью отыскания северо-восточного «прохода» к берегам Китая²³. Можно с полным основанием предположить, что прагматичные Строгановы с покорением Сибири связывали целую группу ближайших (сибирская пушнина) и далекоидущих («перехват» сибирско-татарской, а также всей европейской, торговли с Бухарой и Китаем) целей. Симптоматично, что в условиях резко возросшей морской активности англичан в отыскании северо-восточного пути в Китай вдоль берегов Северной России Строгановы сознательно стремились поддерживать (как и использовать в своих целях) их заведомо более слабых конкурентов – голландцев. В этом они почти копировали политику Ивана Грозного, который в переговорах с английским послом Боусом в 1583 г. сознательно «играл» на англо-голландско-французском торговом соперничестве Северной России. Эти переговоры, а затем предпринятый русским правительством в 1620 г. «заказ крепкий» ездить в Сибирь «большим морем», отчетливо показали, что в категориях прагматической политики интенсивные поиски северо-восточного пути в Китай одновременно означали прямой выход «немецких людей» к источникам сибирских богатств и утрату многих стратегических преимуществ России в европейской торговле сибирской пушниной. Логично предположить, что, как очень информированные люди, Строгановы прекрасно видели, как неудачный для России ход Ливонской войны все больше склонял Ивана Грозного к тому, чтобы предоставить Англии исключительные торговые преференции на севере России в «обмен» на военно-политический союз. (Символично в этом отношении то, что непосредственно перед походом Ермака, в 1580 г., английская экспедиция А. Пета и Ч. Джакмана предприняла очередную попытку проникновения в северную Сибирь²⁴). По-видимому, эти обстоятельства в конечном итоге побудили Строгановых свернуть планы своей морской «программы» и поспе-

шить в выборе для своего сибирского «предприятия» самого прямого (хотя самого сложного) и доступного их полному контролю сухопутно-речного пути проникновения в Сибирь через «Верхотурский Урал» с перспективой нанесения военного удара не по отдельным населяющим ее племенам, а в самый политический центр Сибирского ханства. Это совершенно определенно объясняет и то, почему в стороне от решающего военного наступления казаков тогда оказалось Пелымское княжество и почему Строгановы столь «опротечливо» отпустили Ермака в Сибирь как раз в момент набега пелымцев на Пермь.

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т.3. Время мира. М., 1992. С. 468.

² См.: Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века. Начало освоения Сибири русскими людьми. М., 1987. С. 19–20. В дальнейшем мы будем ссылаться на указанную работу как на сложившийся хрестоматийный образец, интегрально отражающий позиции советской историографии по проблеме присоединения Урала и Сибири к Русскому государству.

³ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака // Вопросы истории. 1980. № 3. С. 43, 47.

⁴ Никитин Н.И. Указ. соч. С. 19.

⁵ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Том первый. М., 1993. С. 488, 492.

⁶ Bagrow L. A History of the Cartography of Russia Up to 1600. Wolfe Island (Ontario). 1975. P. 25.

⁷ Матузова В.И. Английские средневековые источники. М., 1979. С. 215.

⁸ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 128.

⁹ См.: Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996. С. 30.

¹⁰ См.: Кокорина Н.А. К проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур (на материалах керамики) // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Материалы научной конференции. Пенза, 1992. С. 99–100.

¹¹ Марков С.Н. Летопись. М., 1978. С. 29.

¹² Широков О.С. Проблема этнолингвистических обоснований евразийства // Исход к Востоку. М., 1997. С. 23.

¹³ Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 311.

¹⁴ Народная проза. М., 1992. С. 77–78.

¹⁵ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. История России с древнейших времен. Тт. 5–6. М., 1989. С. 590.

¹⁶ Преображенский А.А. Среднее Поволжье и первоначальное освоение Сибири (конец XVI – середина XVII в.) // Вопросы истории. 1981. № 10. С. 79.

¹⁷ См.: Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. С. 224–228.

¹⁸ Никитин Н.И. Указ. соч. С. 19.

¹⁹ Газиз Г. История татар. М., 1994. С. 125.

²⁰ Bagrow L. Op. cit. P. 104–105.

²¹ См., напр.: Состояние России при нынешнем Царе (Петре I-м). Другое и более подробное повествование о России капитана Джона Перри // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1871. Кн. вторая. М., 1871. С. 51.

²² Висковатов А.В. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия. СПб., 1994. С. 56–57.

²³ Bagrow L. Op. cit. P. 105.

²⁴ Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 34.

БИТВА ЗА КАМЕННЫЙ ПОЯС

Нельзя искать справедливость
в образовании великих империй,
например Римской или Британской...
Н.Бердяев. Судьба России.

КАЗАНСКАЯ ДОБЫЧА

По страницам летописей судя, Урал доставался Российскому государству долго и тяжело. И кроваво. Процесс полного его завоевания растянулся на полтысячелетие.

Протяженная на века, заполненная множеством историй о кровопролитных набегах, эпопея обретения державой "опоры" блистательно завершена была безжалостными мечами воевод Ивана Четвертого Васильевича, прозванного впоследствии Грозным. В 1557 г. свирепыми, беспощадными ударами полководцы молодого тогда еще государя славно довершили дело, начатое великим его дедом Иваном Третьим, Васильевичем Первым, и навсегда прирубили к владениям только что названного русского царя Каменный Пояс. Уже на всем его протяжении.

Правда, еще пять лет до того царь по молодости надеялся, что присоединить Урал будет не очень сложно. Его в то время можно было понять. Еще бы: когда тебе двадцать три года и у твоих ног дымящиеся развалины столицы некогда могучего ханства Казанского (Казань была взята полками российскими 2 октября 1552 г. после сорокадневной свирепой осады) – и не такое могло поблазнить. Он тогда всерьез поверил, что все подвластные поверженные ханству народы, дотоле придавленные Батыевой дланью, с радостью склонятся перед новой силой. Недаром и явили ее наступающие войска полной и впечатляющей мерой. Когда Казань была захвачена, Ивановы рати, исчислявшиеся в сто пятьдесят тысяч человек, "резали всех, кого находили в мечетях, в дворах, в ямах; брали в плен жен и детей, чиновников. Двор царский, улицы, стены, глубокие рвы были завалены мертвыми... Главный военачальник, князь Михайло Воротынский, прислал сказать государю: "Радуйся, благочестивый самодержец!.. Казань наша, царь ее в твоих руках, народ истреблен или в плену; несметные богатства собраны; что прикажешь?!"

Весьма таким рапортом удовлетворенный, Иван знал, что приказать. В тот же день (и выше, и здесь – свидетельство Н.М.Карамзина¹) "Иоани послал жалованные грамоты во все окрестные места, объявляя жителям мир и безопасность. Идите к нам, писал он, без ужаса и боязни. Прошедшее забываю, ибо злодейство уже наказано. Платите мне, что вы платили царям казанским..."

Воистину так: злодейства монгольских орд на русской земле наказывались не менее свирепым образом Ивановыми ратниками!

И действительно: ужаснувшиеся увиденным, подвластные ранее Казани удмурты, марийцы и башкиры пришли к Ивану с изъявлением покорности. Упоенный столь счастливым завершением воинской страды, царь поспешил в столицу. И чтобы обнять милую жену Анастасию, только что подарившую ему сына Дмитрия. И чтобы в полную меру насладиться знаками славы от столь великой победы – сокрушения давнего, самого могучего и самого страшного врага России.

И прославили его вдосталь.

Но и войско он щедро вознаградил и воевод одарил нескупо.

Да только не надолго успокоились казанцы. Не примирились они с поражением. Непримиримые разделились надвое. Многие башкирские роды снялись и подались с единоверцами, ногайскими мурзами, за Яик, а то и вовсе на Кубань. Но многие решились драться за свою волю. Но и то правда: среди оставшихся было много башкир, внявших горячим словам молодого, но уже популярного вождя Канзафара-бия, убеждавшего своих соплеменников никуда не уходить с родной земли, попытаться приноровиться к новым правителям. "Если мы уйдем из этих мест, то нигде не найдем себе на пропитание. Такого, как здесь, места нигде не найдешь", — говорил он соплеменникам.

Но непримирившиеся уже зимою начали нападать на московских купцов, боярских людей, грабить и убивать их. А потом последовало массовое восстание. Как водится, перебили царевых чиновников. Затем повстанцы одолели и сильный отряд усмирителей во главе с воеводой Салтыковым. В глубоких снегах под Казанью полегло тогда около полутысячи русских ратников.

Вот тогда-то и понял Иван Четвертый, Васильевич Второй, что рано он со своими главными силами оставил казанские края. Непреклонно отринув увещевания некоторых чересчур осторожных своих советников — отступись, мол, государь, от этих озлобленных, пусть их живут как хотят, — царь повелел вновь собрать полки. Вновь призванная мощная рать двумя колоннами была направлена к Уралу.

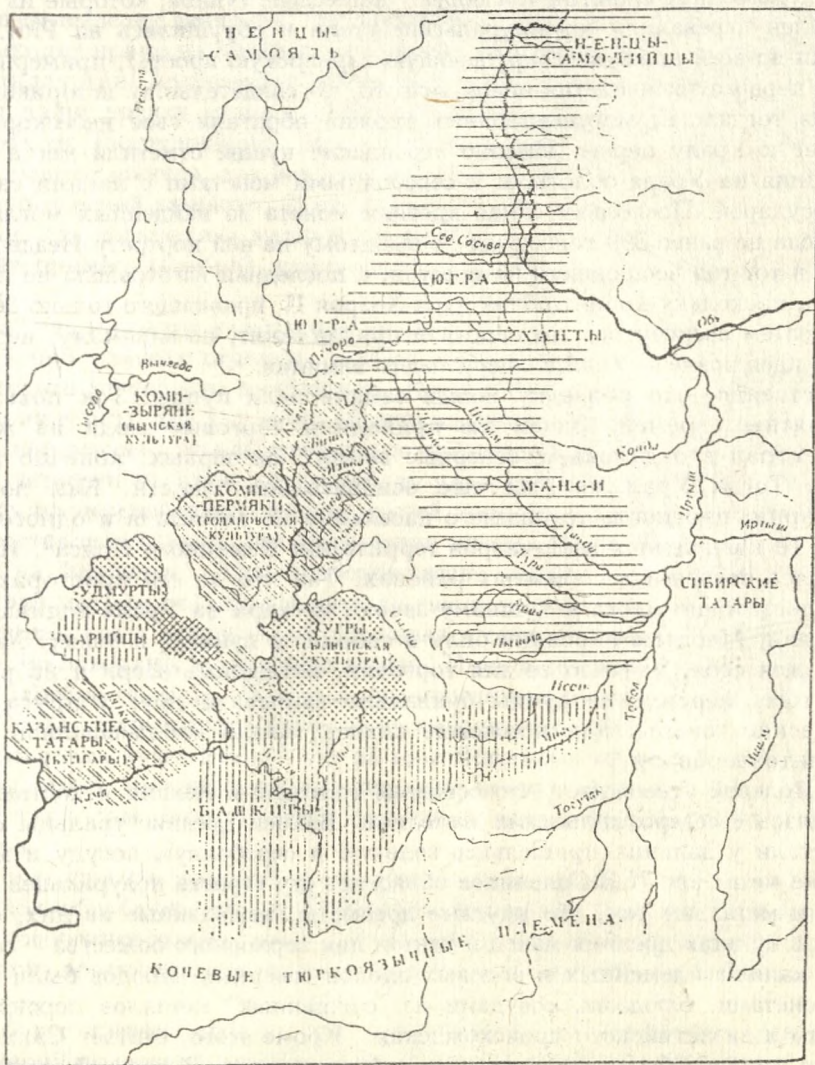
Не мог правитель отказаться от добычи, вкус которой он успел уже отведать. Воистину Южный Урал представлял тогда лакомый кусок. Вот какой увидел ее один из Ивановых приближенных, князь Андрей Курбский: "...В земле той поля великие и зело преизобильные и гобзующие на всякие плоды, токмо же и дворы княжат их и вельможей, зело прекрасны и воистину удивлению достойны и села чисты, хлебов же всяких такое там множество, во истину вера ко исповеданию неподобно, аки бы на подобие множества звезд небесных, тако же и скотов различных стад бесчисленные множества, и корыстей драгоценных наипаче от различных зверей, в той земле бывающих, бо тамо рождаются куны дорогие и белки и прочие зверие, ко одеждам и ко ядению потребны, а мало затем далее соболеей множество, такожде и медов; не вем, где бы под солнцем было больше..."

Северная колонна царева воинства, ведомая Данилой Адашевым, пошла на Каму, южная же, под руководством Симеона Микулнаского, Ивана Шереметева и Андрея Курбского, двинулись в заволжские земли, заселенные восставшими вотяками (удмуртами), черемисами (марийцами), башкирами. И началось усмирение новообретенного, но непокорного края. Что могли сделать не столь уж и многочисленные бывшие данники развалившегося Казанского царства перед навалившейся мощью великого западного соседа, хотя и сопротивлялись они изо всех сил. Все напрасно, только ожесточали завоевателей. "...Россияне 5 лет не опускали меча: жгли и резали... Наконец усилия бунтовщиков ослабели. Вожди их погибли все без исключения. Крепости были разрушены, — свидетельствует Н.М. Карамзин. — Край смирился со своей участью... Вотяки, черемисы, самые отдаленные башкирцы приносили дань, требуя милосердия..."

Царь милостиво принял покорившихся старейшин и дал им жалованные грамоты.

Так завершилась многовековая эпопея. Урал на всем протяжении стал российским.

И вот здесь надо подчеркнуть: исстари этим краем пытались завладеть не только "свои", так сказать, отечественные притязатели, а и не одно могучее государство.

Расселение народностей и племен. Урала в IX – XV вв.
Историко-этнографическая карта.

История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С.132.

ПУТЬ НА УРАЛ ТРОПЯТ ПЕРСЫ

Желающие овладеть Каменным Поясом подбирались со всех сторон. Если начать "учет" этих поползновений с периода великого переселения народов (из наиболее памятных событий той поры — нашествие гуннов, которые из сибирских далей перевалили южно-уральские степи и обрушились на Рим, где и показали во всей красе всеокрушающую варварскую ярость), примерно с середины первого тысячелетия новой эры, то, по свидетельству историков, первыми из тогдашних могущественных держав обратили свое небескорыстное внимание к Уралу персы. Именно персидские купцы отметили места своего пребывания на Урале золотыми и серебряными монетами с ликами сасанидских государей. Поскольку самая древняя монета из найденных могла быть отчеканена не ранее 399 года, судя по выбитому на ней портрету Иездергерда, как раз в тот год восшедшего на престол, а последняя изготовлена не позднее 628 года, поскольку хранит облик царя Хозроя II, правившего только до этого года, а затем свергнутого, то персам и принадлежит, по-видимому, первенствующая идея вовлечь Урал в сферу своего влияния.

Естественно, что разведку новых земель вели купцы. Так повелось с незапамятных времен. Зачем же приходили торговые люди из жарких южных стран в отдаленные северные земли? Во-первых, конечно же, за мехами. Тогда Урал не был еще основательно заселен. Как полагает В.А.Оборин, плотность тогдашнего населения не достигала и одного человека на 10 квадратных километров территории Каменного Пояса². И это — в наиболее освоенных, обжитых районах. Так что на его просторах оставалось достаточно места и пушному зверю, истари на Урале водившемуся в изобилии. Местные охотники били и соболя, и куницу, и белку. Хватало добычи для себя, хватало ее для торговли, оставалось зверя и на развод. Кроме того, персидские купцы буквально вырывали друг у друга такие экзотические товары, как моржовые клыки, жадно набрасывались они и на мамонтовые бивни.

Н.А.Полевой утверждает, что основная торговля и мехами и костью южанами велась с североуральскими жителями. Взамен древние уральцы охотно приобретали у дальних пришельцев золотую и серебряную посуду и монеты из тех же металлов. К.В.Сальников объясняет эту страсть прауральцев к благородным металлам тем, что круглые предметы, выделанные из них, олицетворяли в культах древних манси и хантов лик верховного божества — солнца. Многие капища племенных и родовых идолов северных народов были заполнены монетами, блюдами, сосудами из "священных" металлов персидского, арабского и византийского происхождения. Кроме этого, считает Сальников, еще одна причина была для подобного собирательства. В древней мифологии северных народов бытовало изящное сказание о некоем сыне духа из верхнего мира — прекрасном всаднике на крылатом коне. Этот удивительный мифический конь был весьма привередлив. Он не мог запросто прикасаться к земле. Чтобы заполучить всадника на землю, на месте его предполагаемого приземления под каждое копыто коня следовало поставить отдельное серебряное блюдо. Что жрецы и проделывали со всевозможной тщательностью. Потому и собирали, копили такую посуду³.

Второй важной приманкой южных торговцев на Урале — и есть тому многие свидетельства — было производимое здесь железо, медь, серебро. Югра в те годы являлась видным поставщиком металлов. Поскольку раньше на это обстоятельство внимания обращалось мало, остановимся на нем несколько подробнее.

РЕКОРДЫ МАНСИЙСКИХ МЕТАЛЛУРГОВ

Сегодня немало специалистов полагает, что металлургия на Урале в ту пору была развита намного выше, чем, к примеру, у соседних славянских племен. Это легко объяснимо. Где, как не в крае, с незапамятных времен культивирующем выделку металлов, где несметны рудные богатства, многие из которых выходят прямо на поверхность земли, — где, как не там, и возрасти могучей металлургии! Археологами обнаружено много мест, где плавил и обрабатывали наши предки металл. Одно из таких древних селений расположено недалеко от Екатеринбурга, на горе Петрогром (возле поселка Палкино). Здесь древние мастера, как выяснилось после раскопок, возвели целый горно-металлургический комбинат. В наличии были все его основные производства — рудники, где добывали и медную, и железную руды (кстати, в медной была большая примесь серебра), плавильное производство и обрабатывающие мастерские.

И вот что поразило ученых при анализе находок: тогдашние мастера умели отменно при плавках отделять друг от друга цветные металлы. Плавильные печи под это специально и строились. Поды и горны у них, к примеру, строились не из глины, как в ту пору обычно на Руси, а из особенного материала — "попельной массы", этакой специально изготовляемой обмазки. Состояла она на три четверти из золы, промытой до удаления из нее щелочей, и на одну четверть из пережженных мелких костей животных. Только одну сороковую часть составляла глина — для связывания массы. Замешивалось все это на моче или на "полупиве". Уже непосредственно перед самым процессом плавки тогдашние мастера под печи посыпали еще и мелко толченую кость. Так подготовленные поды и позволяли, впитывая в себя окислы одних металлов, оставлять на поверхности расплава другие. Именно по такой технологии и отделялось серебро от меди. (Заметим, что описанный способ производства металлов на Урале применялся вплоть до восемнадцатого века).

В раскопках культурного слоя на горе Петрогром были выявлены не только поды печей, пропитанные окислами различных металлов, но и складированные тут и там разнообразные поделки из меди, серебра, сплавов цветных металлов.

Так что древние уральцы прекрасно знали и как получить серебро из руды, и как обработать его, и какова его настоящая цена. И не одно какое-нибудь особенное племя такое умело. Такие находки обнаружены по всей уральской протяженности — на землях манси, башкир, жителей западного склона.

Наиболее древние печи на горе Петрогром и изделия из металлов датируются второй половиной первого тысячелетия до нашей эры. Так что к моменту появления персов металлургическое производство Урала вполне могло и развиваться, и окрепнуть. Тем более, как следует из обзора находок здесь, производство железа было поставлено действительно "на широкую ногу". Явно с "экспортными" намерениями. Археологи нашли на горе восемнадцать плавильных печей. И каких! Для тех времен это были гиганты металлургии — до ста двадцати сантиметров в диаметре, до полутора метров высоты, спроектированные из массивных каменных плит, поставленных на попа. Но, что самое поразительное, — печи эти ставились с очень точным инженерным расчетом. Дело в том, что вершина горы Петрогром испещрена множеством глубоких и узких расщелин. Печи ставились прямо на них так, чтобы использовать природные образования как воздуходувные ходы. Были продуманы и способы регулирования направленности и точности подачи воздуха — через систему

сопел. Применялась и ручная подача воздуха. Для выемки железных криц из печи одна ее стенка после плавки могла разбираться легко, так как ставилась не из плит, а из небольших каменных глыб.

Так что уральцам было чем торговать и с южными, и с западными племенами, особенно, если учесть, что, по свидетельству С.Г.Струмилина, "...появление на Руси... плавки железных руд в специальных наземных печах-домницах, с дутьем ручными мехами, археологи относят примерно к девятому веку новой эры"⁴.

НА ДОРОГУ К УРАЛЬСКИМ БОГАТСТВАМ ВЫХОДЯТ АРАБЫ

По проторенному персами пути на Урал потянулись арабы. Считается, что началось это сразу же, как только арабские войска разгромили царство Сасанидов. Как утверждают некоторые исследователи, арабы привыкли пролагать дороги торговых караванов мечами своих воинов. На Урале им пришлось несколько поступиться своими принципами. На пути к нему арабами неодолимой преградой встали рати хазарских воинов, которые мужественно многие годы противились исламской экспансии. Потому исламизация жителей Южного Урала несколько задержалась. Сюда пришли только торговцы. Это оказалось немалым благом для местных жителей.

Дело в том, что если бы первыми появились воины аллаха, то на Урале, как и везде, где распространился ислам, неминуемо был бы введен запрет на использование в быту правоверных предметов, украшенных изображениями людей и животных. Это уже состоялось везде на Ближнем Востоке, в Персии, древнем арабском мире, где высоко было развито, к примеру, искусство чеканки на изделиях из металлов — блюдах, чашах, сосудах. Их украшали высокохудожественно исполненными сценами охоты, пиров, битв, бытовыми ситуациями.

Пришедшие к власти в арабском мире аскетичные пророки и халифы запретили впредь изготавливать подобные вещи и потребовали под страхом жестокой кары изъять их из обихода.

Но арабские купцы были далеко не простаки: не пропадать же такому изысканному товару.

И они начали потихоньку скупать (иногда и просто подбирать выброшенное) такое добро и массово сбывать его за пределами исламского мира. Одним из мест массового "сброса" таких изделий из южных стран стал и Урал. Прекрасно исполненной, тончайшей резьбы и чеканки блюда, чаши, сосуды археологи обнаружили во многих местах по всей уральской протяженности. Но значительно больше таких находок в домах и капищах Северного и Среднего Урала, что и понятно. Пришедший на Южный Урал ислам вытеснил их и от туда. А везли арабы с Урала то же, что и персы — меха, кость, металлы.

ВИКИНГИ ОТКРЫВАЮТ БИАРМИЮ

Где-то в одно время примерно с проникновением на Урал арабских торговцев с юга с севера дорогу к его богатствам нащупали еще одни претенденты на их овладение — викинги. Только они с самого начала ориентировались не на торговлю — их делом были ничем не прикрытый грабеж и разбой.

Считается, что первым из славного племени морских налетчиков до северо-восточного края Европы добрался некто Отер — один из предводителей дружин на службе у английского короля Альфреда Великого. Случилось это во второй половине девятого века нашей эры. Сохранился текст доклада море-

плавателя своему государю. По форме он весьма незатейлив, но вполне информативен. Создается впечатление, что плыл Отер в совершенно неизвестную его собратьям область. Пробираясь на своей посудине вдоль северного побережья Европы, почти повсеместно наблюдал голую пустынную местность. Внезапно глазам мореплавателей открылась бухта в устье Северной Двины, на берегу которой стояло крупное селение. Жившие в нем люди говорили, как утверждает Отер, на языке, близком финскому. Обитатели поселка сказали прибывшим, что они — биармийцы, население страны, которая протянулась далеко на восток, вплоть до Уральских гор. Как понял Остер, земля в этой стране была хорошо обжита и даже обрабатывалась. Биармийцы легко шли на контакт с викингами, заходили к ним на суда, совершали обменную торговлю. Отер разжился у них мехами, моржовыми клыками, и все это он доставил своему королю.

Так что вполне возможно, что именно рассказы отважного Отера впервые открыли непоседливым викингам новые объекты для набегов. Во всяком случае, примерно с этих пор и на протяжении около трех веков саги скандинавских и исландских сказителей наполняются восторженными описаниями победоносных набегов воинственных мореходов-варягов на поселения народов крайнего северо-востока Европы. Многократно прямо-таки сладострастно описаны богатства разграбленных ими племенных капищ, взахлеб рассказывается о сказочном обогащении налетчиков, ободравших богато изукрашенного идола — местного бога Юмалу, на котором, как и на многих других богах, были возложены драгоценные меха, навешаны ожерелья из золотых и серебряных украшений, навалены вокруг изделия из драгметаллов.

Самые поздние упоминания в сагах викингов о "посещениях" этих мест относятся к началу тринадцатого века. Но это не означает, что разбойники жировали на наших землях только до тех пор. Во всяком случае, одна неудачная попытка набега скандинавов зафиксирована в русских летописях и в 1445 году. Но в то время здесь уже всю хозяйничали русские покорители. Безнаказанно нацелившиеся пограбить "свеи-мурмане" были наголову разгромлены новгородскими воинами, "вборзе" прибывшими с Двины. В злой сече погибли главари налетчики, и только малая часть их "отбегоща" — спаслась на кораблях.

В общем, как следует из анализа северных саг и рун, викинги и не намеревались покорять эти земли. Они просто использовали их как огород, на который надо время от времени наведываться, чтобы собрать перезревающий урожай.

НОВГОРОДЦЫ И ЗАВОЛОЧЬЕ

Интересное совпадение.

Как раз в тот год, когда летописи отметили нападение "свеев", жителям приуральских и зауральских городков удалось успешно отбиться и от прибывшей к ним с теми же целями новгородской рати. Правда, новгородцы прибыли к уральскому хребту, чтобы свирепо покарать тамошних обитателей за злонамеренную неуплату причитающейся с них дани Господину Великому Новгороду.

И в самом деле, у новгородцев по ту пору были уже устоявшиеся веками "права" обирать северные приуральские и зауральские народы. Право это новгородцам досталось через многолетнее подавление мужественной борьбы местных жителей за свою свободу.

Про то, что в этих краях можно хорошо пожить, новгородские ушкуйники поначалу вызнали, вернее всего, от соседей-варягов. И уже на страницах

первых русских летописей, на скрижалях несторовской "Повести временных лет", фиксируются поползновения граждан Великой Северной Русской Республики установить свое владычество над этими дальними землями.

Многие исследователи (к примеру, подобные утверждения высказывает А.А.Дмитриев в своей интересной работе "Древности бывшей Перми Великой"⁵) считают, что упоминание в новгородских источниках о походе Улеба в 1032 году за "Железные ворота" есть и первое "печатное" свидетельство о попытках новгородцев покорить "чудь заволоцкую", людей, живших в областях за Волоками, которыми путешественники перебирались из рек бассейна Северной Двины в воды рек бассейна Волги. Но это и первое сохранившееся свидетельство об отчаянном сопротивлении тамошних обитателей попыткам их покорить, ибо записано там же: "...мало ихъ возвратишися, но мнози там погибоша..."

Иван Беляев в "Рассказах из русской истории" добавляет, что экспедиция эта была организована горожанами самовольно, без привлечения княжеских воинов. И вообще, этот Улеб был воеводой, выборным вечевым избранником, а не князьим назначенцем.

Через сорок пять лет новгородцы, как следует из той же летописи, решились повторить попытку Улеба — и с тем же результатом. Хотя экспедиция была организована уже более профессионально. Во главе ее стоял князь Глеб, внук великого князя Владимира, крестителя Руси. Но и ему не повезло. Погиб он в схватке с заволоцкою чудью.

В 1096 году новгородцы снова снарядили в те края экспедицию, правда, по описанию судя, она была уже чисто торгового назначения. (Хотя дата эта признана большинством исследователей, следует сказать, что Д.С.Лихачев, готовивший одно из изданий "Повести временных лет", откуда и заимствованы все эти сведения, полагает, что указанная торговая поездка могла состояться и в 1114 году — тому в тексте рукописи он нашел веские подтверждения.) В отчете об этой поездке впервые в письменном русском источнике и была зафиксирована дальняя горная страна, где, среди стлтых снегов, в горах полуночных, обретается народ, живущий охотой и задешево меняющий добытые меха на железные изделия.

Видимо, тогда же об этой стране узнали и в остальных русских городах.

Некоторые источники свидетельствуют, что граждане первой русской республики в это время уже освоились не только на Северном Урале, но и на всей протяженности Каменного Пояса. Ухватистые, расторопные купцы-новгородцы споро добрались по Каме и Белой до южноуральских поселений и кочевий и вели там успешные торги. В.И.Филоненко считает, что они были там первыми из русских купцов.

И все же, как ни сопротивлялись североуральские обитатели, но пришлось им покориться злой силе и стать данниками Господина Великого Новгорода. С одиннадцатого века начиная по всему Северному Уралу, Предуралью и Зауралью, вплоть до обских вод, рыскали жестокосердые сборщики дани, обогащая пермскими и югорскими мехами казну своего города.

А меха отсюда шли великолепные, высокосортные шкурки куниц, соболей, горностаев, белок. Ведь по тем временам мало сказать, что за них многие готовы были платить любые деньги. Эти шкурки сами были деньги. Русская куна (мера ценности вещи) ведь происходит от слова-понятия "куница". От нее происходит и другая русская мера ценности — "гривна". "Именем гривны означалось известное число кун, некогда равное ценою с полуфунтом серебра" (Н.М.Карамзин). Кстати, Н.М.Карамзин упоминает и о не малом потоке серебра, который тек к удачливым ушкуйникам и сборщикам дани от пермских и югорских племен: "...Новгород серебром и мехами собирал дань в Югре..."

НОВГОРОДЦЫ, СУЗДАЛЬЦЫ, БУЛГАРЫ: СХВАТКА ЗА УРАЛ

Но недолго новгородцы монополично брали обильную, богатую дань с пермских и югорских племен. Прослышав о тамошнем серебряном и меховом изобилии, стекающемся только в новгородские закрома, порешили урвать хотя бы часть этого добра и охочие до чужого имущества волжские булгары. Набирающие силу северные русские княжества тоже стали снаряжать свои дружины, чтобы поживиться вожделенными мехами.

Первая фаза борьбы за заволоцкие дани длилась около ста лет, вплоть до татаро-монгольского нашествия.

Около ста лет подряд в летописях русских натывается то на строчки, рассказывающие о схватках североуральских народов с новгородскими, булгарскими, суздальскими ратями, то на сообщения о битвах этих ратей между собой – за "право" грабить не им принадлежащие земли. И так вплоть до поры, когда всем им, мелким ворам по сравнению с налетевшей огромной бандитской татаро-монгольской армией, пришлось покорно склониться перед волей сильнейшего, отдать ему и свои грабительские доходы.

Но вернемся к началу этого столетнего периода.

Граждане Новгорода быстро освоились в своем "праве" быть и господами-распорядителями жизнью и имуществом жителей крайнего северо-востока Европы. Вот, к примеру, сообщение в летописи о налете новгородских удальцов на Югру в 1157 году. Написано о том буквально несколько слов всего. И сказано все как-то по-обыденному, как о совершенно будничном, рутинном факте. А что сокрыто не сказанное? Что – собрались обыватели лихие, поговорили? Посокрушались, мол, не хватает им денег на пошить-посесть-одеться, ни даже чего любимой подарить нет? А где денег раздобыть? Не работой же, в самом-то деле! Тут и надумали (сами себе, кстати, тогда они думали – без посадника, тысяцкого, без князя, и тем наипаче – без веча*) прогуляться в Заволочье**, разжиться там слегка мехами и серебром.

* В Новгороде, как известно, тогда существовала демократическая система правления. Высшим органом власти города являлось вече – общее собрание граждан. Одной из прерогатив веча было назначение правителя города – князя, который обладал военной и судебной властью. Князь правил городом через посадника (помощника по административным делам) и тысяцкого (помощника по военным делам). Поначалу помощниками князю были люди, пришедшие с ним либо присланные великим киевским князем. Но в 1126 году – после смерти Владимира Мономаха, новгородцы уперлись и настояли на выборах посадника самим, чем впоследствии очень гордились. И дорожили. Ибо он стал слугой веча, а не князя. В 1156 году в Новгороде был впервые выбран и свой епископ, который потом только утверждался митрополитом.

Интересная деталь из взаимоотношений правителя-князя и города.

Новгородцы мелочно старались не дать князьям укорениться в своих владениях. Они в договорах (рядах) с князьями оговаривали, что ни князю, ни его семье, ни людям нельзя было покупать имущество в Новгородской земле, заводить села и слободы, принимать людей в заклад. Боясь отпадения или захвата Заволочья, новгородцы старались не допустить прямых отношений князя с этой обширной и богатой областью и требовали в договорах, чтобы князь отдавал свои заволоцкие сборы на откуп новгородцам.

** Новгородская земля в XII – XV веках (вокруг города) делилась на 5 пятиин-областей: Водскую, Обонежскую, Деревскую, Шелонскую, Бежецкую. За пятинами Обонежской и Бежецкой простиралась на северо-восток волость Заволочье, или Двинская земля. Находилась за волоком, обширным водоразделом, отделяющим бассейны Онеги и Северной Двины от бассейна Волги. Течением Вычгды и ее притоками определялась Пермская земля. За Двинской землей и Пермью находилась волость Печора, по обеим сторонам реки этого имени, а по ту сторону северного Уральского хребта – волость Югра.

(См.: Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1987).

Так примерно и затевалось большинство "неплановых", так сказать, набегов на Югру. Чувствовался во всем этом почерк учителей-викингов. А чтобы совесть за грабей не терзала, придумали себе молодцы незатейливое объяснение: мол, тот трудолюбивый народ, плоды труда которого мы отнимаем, — и не люди вовсе, так, нехристи-самоядь, кто и жить-то на свете достоин, только чтобы кормить-одевать умных, светлых, добрых молодцев христианских.

Такая вот логика жизни.

В 1174 году несколько сот новгородских жителей, собравшись однажды, пришли наконец к мысли: накладно, чтобы каждый раз отправляться в Югру за добычей-данью, а затем переться многие сотни верст назад по рекам и волокам, чтобы сбыть на новгородских торгах нахапанное. Они решили: надо уменьшить расстояние от товара до торгового пункта. А поскольку Заволожье к городу не приблизить, то естественный вывод — приблизить к нему город. Задумано — сделано. Сели новгородцы в свои ладьи и поехали ставить новые города где-нибудь поближе к Уралу. Как повествует Н. Костомаров в "Северорусских народоправствах", "...они направились сначала по Волге, затем по Каме, здесь поставили городок и решили остаться. Но тут услышали они, что далее на восток, в земле привольной, богатой и укрытой лесами, живут вотяки (удмурты). На Каме же жить было небезопасно, большая река — большой путь. И отправились новгородцы вверх по Каме, вошли в реку Чепец и стали жечь и разорять вотяцкие жилища, укрепленные земляными валами. Жители разбежались. По реке Чепцу завоеватели вошли в реку Вятку и, проплыв по ней пять верст, увидели на высокой горе Болванский городок. Взять его было трудно. Новгородцы, однако, положили себе не пить и не есть, пока не завоюют городка. Случился день Бориса и Глеба. Новгородцы стали призывать на помощь этих святых. Святые помогли им. И городок был взят. Множество вотяков было побито, остальные разбежались. Русские построили здесь церковь Бориса и Глеба и назвали городок Никулинцем. Из устья Камы оставшиеся поплыли вверх — и опять-таки с именем Бориса и Глеба напали на черемисский городок Каршаров. Покорили его и назвали Котельничем. Пошли дальше и в устье реки Хлыновцы основали город Хлынов" (позднее он стал Вяткой, а еще позднее — Кировым. — Л.С.). Н.М. Карамзин к этому добавляет: "...Россияне, с удовольствием приняв к себе многих двинских жителей, составили маленькую республику, особенную, независимую в течение двухсот семидесяти осьми лет, наблюдая обычаи новгородские (заметим в скобках — в том числе и славный обычай обирать аборигенов, что им простить обитатели Новгорода не могли, не потому, что обирали, а потому, что перехватывали новгородскую добычу. — Л.С.) ...Чудь (финские племена, жившие от Зауралья до Скандинавии), вотяки (удмурты), черемисы (марийцы) хотя набегам беспокоили их, но были всегда отражаемы с великим уроном..." Не менее аборигенов им старались досадить и новгородцы по причине, выше уже поясненной.

Еще бы новгородцам не возмущаться!

Новопоселенцы сразу же стали претендовать на добрый кусок ставшей им уже привычной заволоцкой добычи. Да и чудь с вотяками, оказавшись между двух огней, стали отчаянно сопротивляться всем сборщикам дани. Летописи сохранили отчеты о двух подряд неудавшихся походах новгородских обирателей — в 1183 году, когда погибло около ста неудачливых искателей золотого руна, и в 1187 году, когда, едва отдышавшись от войны на своих западных границах, новгородцы смогли собрать сильную карательную экспедицию в дальние пермские, печорские и югорские пределы. Но и из этой рати посчастливилось

вернуться только восьми-десяти человекам, чудом оставшимся в живых. Видимо, насмерть стали стоять и так-то ранее не слишком покорные данники. Им было от чего ожесточиться. Именно в ту пору на их исконные земли стали претендовать кроме названных еще два желающих поживиться на них хищника — болгары и суздальцы.

И Булгария, и Суздальское княжество были тогда крупными, мощными государствами. И у каждого из них был свой резон претендовать на овладение уральскими землями.

С новгородцами мы уже разобрались — они считали, что получили право на заволоцкие земли напрямую от варягов вместе с приглашением на княжение к себе Рюрика.

Булгары же просто были обижены на новгородцев. Столько десятков лет они прилагали неимоверные усилия, чтобы сохранить монополию посредника юга с севером, так старательно противились попыткам арабов напрямую вести торговлю с Югрой и Пермью, что захват северных земель Новгородом посчитали прямым посягательством на свои долго лелеемые интересы.

И с суздальцами все просто. Как раз в ту пору они стали носителями верховной власти в русских княжествах. 8 марта 1169 года князь Андрей Георгиевич, сын основателя Москвы, утвердил себя на великокняжеском киевском престоле, захватив этот город после жесткой двухдневной осады. Ему не захотелось оставаться править в ограбленном, дочиста разоренном городе, и он решил перенести великокняжескую столицу во Владимир, резиденцию суздальских князей. Потому-то суздальцы и порешили, что отныне именно за ними утверждается право на сбор дани со всех покорных русским правлениям территорий. Естественно, уральские территории их заинтересовали не в последнюю очередь. Андрей, давний новгородский неприятель (кстати, Новгород и Киев были союзниками в войне с ним), сразу после Киева затеял разгромить заодно и этот город. Послал на него с большим войском сына своего. Да не повезло суздальцам. На этот раз одолели их в жесткой сече новгородцы.

Но мысль перехватить у Новгорода право собирать дань с печорских, пермских и югорских племен у суздальских князей засела накрепко.

Проведав, что новгородцы построили на полпути туда свои опорные пункты (Вятку и другие), возжаждавший не уступать им пути в вождельные земли Всеволод, младший брат Андреев, в 1178 году (в ту пору он уже занял престол великого князя суздальского) решил построить севернее этих городков свою крепость — форпост для захвата Урала. Так возник город Гледены. А через несколько лет уже сын Всеволода Константин построил недалеко от него действительно впоследствии ключевую крепость в схватках за уральские территории — Устюг Великий.

С построением этих городков суздальцы почувствовали себя настолько уверенными владельцами северо-восточных территорий, что, не откладывая дело надолго, до поры, когда весь уральский край станет им подвластным, руководимые братом Константина Юрием, отправились собирать дань с пермских земель.

Такого нахальства не стерпели прежде всего болгары.

Они собрали очень сильное войско и отправили его вверх по Каме. Цель экспедиции была определена двойная. Взять югорские и пермские меха и разорить суздальские города. Обе цели с трудом, немалой тратой крови, но были достигнуты.

И чего болгары добились?

Юрий Всеволодович, ставший тогда уже великим князем суздальским, естественно, не смог снести удачу соперников в столь важном предприятии. Он

твердо решил указать булгарам их место. Во главе большой рати направил он на волжские и камские берега своего брата Святослава. Сражение у столицы Булгарского царства, видимо, столь было приятно вспоминать многим историкам и их заказчикам, что описание его до мелких деталей можно найти у многих древних и современных писателей. И как разумно развернул Святослав свои полки. И как конные булгары, "пустиша по стреле в нащи", скрылись за городскими стенами. Как удалось расцечь оплоты и тын и зажечь их. И как город сгорел полностью почти со всеми своими защитниками. И как победители, "жены и дети в полон взяша", вернулись с "корыстью великою". И как встретил их Юрий, облобызав своего брата со слезами, "и бысть радость велика в Володимере..."

Случилось это в 1220 году.

Неизвестно, как бы завершился спор за уральские дани между этими тремя алчущими хищниками, да в разгаре их междоусобий нагрянули из-за Урала жуткой им карой небесной грозные тучи татаро-монгольских туменов.

Страшно читать страницы документов той поры. Они сочатся обильной безвинной кровью и дышат безысходностью. Пришельцы не щадили никого. Только-только отстроенную столицу Булгарского царства Батый приказал сжечь дотла и поголовно умертвить всех ее жителей. Та же жуткая судьба постигла и Суздаль, и Владимир. И только Новгород, Господи Великий Новгород, чудом спасся от напасти Батыевой. А был Батый уже в 100 верстах от новгородских стен. Да наступила весна. И может быть, напугала его перспектива утопить в раскисших болотах и своих конников, и стенобитные орудия, и отягощенные добычей обозы. Может, еще что-то повлияло на решение Батыя, но поворотил он свои орды и накинудся на несчастный Козельск. Этому небольшому городку, осмелившемуся защищаться, выпала трагическая судьба испытать на себе всю силу ярости Батыевой. От города и от горожан остались только дымящие развалины...

Так спор за заволоцкие дани утратил на некоторое время свой предмет.

На всей территории Восточной Европы дани стекались только в татаро-монгольские шатры.

Интересная деталь. Не сразу североуральские народы склонились перед покорителем своих поработителей. Они оказали и им ожесточенное сопротивление в 1240-1241 годах, чем навлекли на себя кары. Вспомнивший через двадцать лет о их непокорности хан Берку, чтобы покарать смельчаков, направил на них свои тумены. Многие пермские обитатели вынуждены были тогда бежать аж до скандинавских утесов, где их приветил и дал им землю (после того, как они приняли христианство) король Гакон.

Для жителей Среднего и Южного Урала после того, как над ними прокатилась самая первая кровавая волна нашествия, жизнь потихоньку стала возвращаться в прежнее русло. Это случилось потому, что, как полагает А.Усманов, "приход Батыя на северо-восток Европы не означал переселения народа. Это было нашествие завоевателей, которые утвердили свое господство над покоренными народами". Основные массы монголов ушли в Монголию. Количество пришедших татаро-монголов было так невелико (относительно основной массы кочевого населения), что даже литературный язык установился не монгольский, а турецкий, и башкиры, например, восприняли не богов новых покорителей, а религию булгар и тюрок - ислам.

На Северный же Урал, после опустошительного нашествия, Булгария навсегда претендовать перестала. Александр Невский, наследник престола князей суздальских, был обуреваем другими заботами и тоже перестал поглядывать на восток. И только Новгород не скрывал, что никому не уступит своих

на него прав. Когда умер Александр Невский, жители вольного города порешили, что их интересы лучше будет отстаивать не его сын Дмитрий Александрович, а младший брат Александров – Ярослав. Изгнав из города племянника, они пригласили его дядю и, предложив тому княжение, обусловили вступление в должность подписание следующего красноречивого документа: "Князь Ярослав! Требуем, чтобы ты, подобно предкам твоим и родителю, утвердил крестным целованием священный обет править Новым городом по древнему обыкновению, брать одни дары с наших областей, поручать оные только новгородским, а не княжеским чиновникам, не избирать их без согласия посадника... В Бежицах ни тебе, ни княгине, ни боярам, ни дворянам твоим сел не иметь, не покупать и не принимать в дар, равно как и в других владениях Новгорода: в Волоке, Торжке и проч.; также в Вологде, Заволочье, Коле, Перми, Печоре, Югре..."

Так-то вот! Новгород был, есть и будет единственным владельцем всех североуральских земель. Целуй крест!

В БОРЬБУ ВСТУПАЕТ МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Именно московскому княжеству выпало сказать последнее слово в споре, а также в битве за Урал. Возникшее на задымленных развалинах владимиро-суздальских владений Московское княжество при великом князе Иване Даниловиче Калите (прозвище Калита князь получил за похвальную привычку всегда таскать с собой кошель-калиту для того, чтобы иметь возможность дать подаяние бедному человеку) сделалось признанным центром возрождающихся русских земель. Иван Калита максимально использовал выгоды своего родства с ханом Орды Узбеком (брат Калиты Георгий был женат на сестре Узбека) и старался укрепить возникшую между ними близость частыми поездками в Орду. Ее же он подкреплял и богатыми дарами и участием в карательных экспедициях на непокорные русские города. В конце доверие хана позволило Калите стать самым могущественным русским правителем. Это самым прямым образом отразилось и на уральских делах.

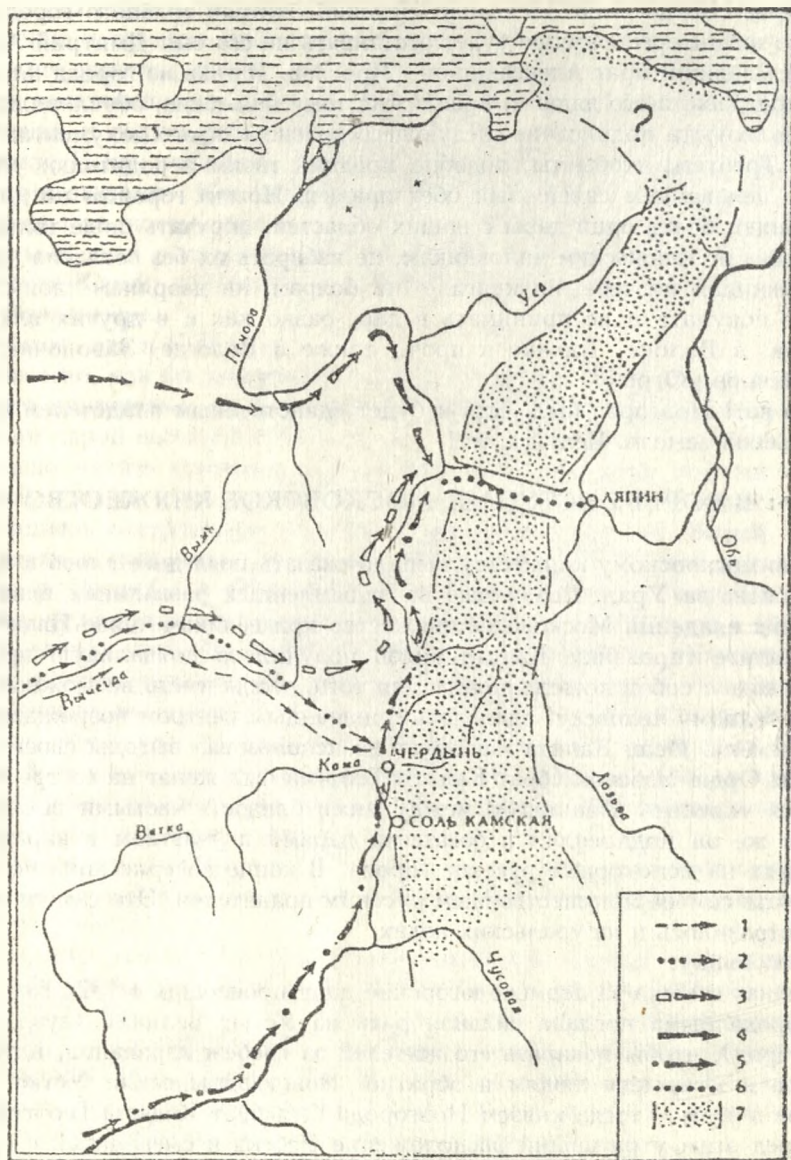
Но по порядку.

Очередная стычка за пермско-югорские дани произошла в 1324 году, когда из Новгорода была послана сильная рать на Устюг Великий (суздальский, кстати, город), чтобы покарать его жителей за грабеж караванов, идущих из Новгорода к югорским людям и обратно. Новгородцы взяли Устюг. Самое пикантное в этом – тогда князем Новгорода был брат Калиты Георгий, незадолго перед этим утративший расположение Узбека и смещенный с суздальского великого княжения. Конечно, Калита, претендовавший на суздальский престол, затаил обиду на Новгород.

Но сразу же поквитаться не удалось.

Вызрела тогда между русскими князьями очередная смута. Суздальский великокняжеский престол стал спорным, и Калита, борясь за право взойти на него, решил возглавить русско-монгольскую рать, двинутую Узбеком на Тверь за уничтожение ее горожанами ханского гарнизона. За эту и другие оказанные хану услуги Иван Данилович и был им утвержден в 1328 году на престол великого князя суздальского. Но столицу княжества он сделал в своем наследном городе – Москве. Вскоре и княжество стало называться Московским. Потому-то именно Москва и сделалась на последующие двести с лишним лет главным соперником Новгорода в борьбе за владение Уралом.

Вот тогда-то и появилась у Калиты возможность посчитаться с Новым городом. Но, осознавая могущество своего соперника, князь московский решил

Пути москвитян на Урал и в Западную Сибирь с 1472-го по 1500 гг. (составил Е. В. Ястребов).

1—путь Ф. Пестрого в 1472 г.; 2—путь Ф. Курбского в 1483 г.; 3—путь С. Курбского в 1499 г.; 4—путь П. Ушатого в 1499 г.; 5—путь В. Бражника в 1499 г.; 6—путь С. Курбского, П. Ушатого и В. Бражника в зиму с 1499-го на 1500 г.; 7—районы Урала, известные русским к 1500 г.

действовать тонко – приступил к сокрушению Новгорода с разгрома его союзников.

В 1329 году, исполняя, кстати, прямое поручение Узбека, князь двинул свои войска на Тверь, природного союзника Новгорода, и разгромил ее.

Окрепнув, освоившись в делах, в 1333 году Калита снарядил войско уже и на Новгород. Теперь у него появился и новый резон обидеться на этот город. Ведь Иван Данилович часто ездил в Орду, тратился на дорогие подарки хану, его влиятельным советникам. Это в немалой степени способствовало тому, что в правление Калиты ордынские полчища почти не громили русские земли. Но если выигрывали все русские люди, то почему тратиться на эти подарки должен один князь московский? Особенно Ивана Даниловича возмущало, что с ним не хочет делиться "закамским серебром" Господин Великий Новгород. Как полагают многие, именно прижимистость новгородцев в дележе прибылей от заволоцкой торговли и заставляла Калиту несколько раз водить свои полки на них.

Спор с Новгородом за владычество над Пермью, Печорой, Югрой продолжил и внук Калиты Дмитрий Донской, и сын Дмитрия.

Но вот что еще интересно. За уральские земли дрались московские и новгородские рати. А как вели себя в этих обстоятельствах жители тех мест? Сами обитатели тех земель отнюдь не были такими овечками, ожидающими заклания. Они никогда не прекращали сопротивляться всем грабителям, приходящим к ним за данью. Югорские воины наголову разгромили сильное трехтысячное новгородское войско, направленное в их земли в 1445 году на сбор очередной дани. Кстати, как раз в тот год пермяки разгромили банду варягов, налетевших их пограбить со стороны океана.

Но, кажется, 1445 год был последним годом, когда новгородцы решились на крупный поход в уральские земли. Да и вообще близился закат вольного города. Уже народился погубитель его вольности (именно так, по преданию, сказала одна вещунья в 1440 году, когда родился будущий великий князь московский Иван Третий, Васильевич Первый). Так мы подходим к временам, с которых и начали рассказ в этом очерке.

Иван Третий, великий князь московский, которого Н.М.Карамзин поклонно именует монархом Российским, славным "...победами и завоеваниями от пределов Литвы и Новагорода до Сибири...", вззошел на великокняжеский престол в 1462 году. От роду тогда ему было 23 года. Наверное, он и просто уже следуя традиции поведения московских владетелей, ввязался бы в спор за уральские богатства, но, думается, еще и случай ускорил его действия в этом направлении.

Житель суздальского города Устюга, непоседа и авантюрист Василий Скряба, решился на свой страх и риск прогуляться – в лучших традициях варягов и ушкуйников – за югорскими мехами. Набрал ватагу гулевых людей и отправился. Видно, под очень счастливой звездой родился этот атаман. Ему удалось достаточно скрытно провести свою ватагу до Уральского хребта, перевалить через него и со всей страстью необузданной жадности наброситься на имущество тамошних обитателей. Добычу урвал он богатую. То ли чтобы оправдаться перед князем своим, то ли чтобы похвалиться своей удачей, но к трофеям он присоединил еще и двух местных князей. Их тоже вместе с частью награбленного в удачливом походе Скряба бросил к ногам своего великого князя. Так воочию Иван Третий был ознакомлен с богатствами дальнего края. Довольный, он щедро наградил Василия и отпустил князей югорских, заручившись их заверениями платить ему дань.

Хоть теперь московский государь и мог ожидать поступления югорского меха и "закамского серебра", только он четко осознавал и другое – так ураль-

ский вопрос окончательно не решить. Свои права на Северный Урал ни за что не хотели отдавать новгородцы, а за Южный крепко вцепились казанские татары. И возжаждавшему уральских сокровищ, чтобы без опаски можно было пользоваться ими, для начала необходимо было сокрушить обоих этих мощных соперников. Но Иван Третий, Васильевич Первый, осознавал свою силу и порешил, что ему достанет и войск, и ума сладить с обоими противниками. Но – четко он знал: действовать надо тонко и бить врагов поодиночке.

Судьба определила ему направление первого удара – Казань.

Еще полные сладостных воспоминаний о былом своем могуществе, ханы казанские решили послать войска захватить московский город Вятку, который контролировал караванную торговую дорогу на богатую Югру – ныне уж Ивановых данников. Это было откровенным вызовом, и Иван его принял.

В 1468–1469 годах несколькими удачными ударами (первый из них был нанесен через Пермь Великую вниз по Каме) войска московского государя основательно разгромили казанские полки и даже в ходе одной из битв овладели Казанью. Хан смирился перед московским могуществом.

Теперь настала очередь Новгорода. Она настала в 1471 году. Хотя крушение его уже просматривалось, но новгородцы не хотели смириться с увяданием своего ранешнего величия. И эта их претенциозность послужила поводом к очередной войне Новгорода и Москвы. Дело в том, что граждане вольного города все никак не могли утешиться, что сыну Дмитрия Донского удалось отхватить у них много земель. Почему-то они порешили, что сейчас пришла удобная пора их вернуть. Однако Иван Третий вовсе не походил на властителя, у которого можно было бы отнять хоть что-нибудь, что он считал своим. Естественно, он и принял решение наказать обнаглевших новгородцев, к тому же вступивших в сговор с литовскими и немецкими правителями.

И грянул летом 1471 года бой на Шелони, знаменитое сражение, которое сокрушило под корень все надежды новгородские. Наголову разбитые, они вынуждены были подписать договор, по которому уступали московскому владельцу множество земель и своих прав.

Но Пермь по договору 1471 года им удалось как-то оставить за собой.

Только что мог значить договор для государя, в боях осознавшего всю ищущую выхода мощь своей державы! Судьба и этого края была предрешена. Всему Северному Уралу вскоре предстояло покорно склониться перед силой московскою. Но в Ивановых завоеваниях с самого начала его правления четко просматривалась одна характерная особенность. Ее тонко подметил и описал Николай Костомаров: "...Как Пермь, так и Югра до конца новгородской независимости оставались со своей народностью, и московская власть, подчинивши себе Новгород, покоряла эти страны, считавшиеся новгородскими поместьями, как края независимые"⁶. Вот в том-то и дело. Новгородцы собирали свою дань, но не требовали ни смены обычаев туземцев, ни религию свою не насаждали, ни полного рабства не навязывали. Плати – и живи как хочешь. Московиты же пришли в эти земли со своим уставом, соблюдения которого жестко требовали. Еще Дмитрий Донской оказывал свое покровительство Степану Храпу, ставшему монахом Стефаном, епископом Пермским, помогал ему огнем и мечом, если тщетны были уговоры, насаждать христианство в Пермской земле. Иван Третий же решил сделать и Пермь, и Югру обычными провинциями своего государства.

Костомаров далее пишет: "...Пермь была завоевана в 1472 году, на другой год после Коростенского мира. Завоевателем был воевода, князь Федор Пестрый... Пермью управлял тогда под верховною властью Новгорода туземный крещеный князь Михаил. В Перми оскорбили какого-то московского купца.

Иван, как будто в наказание, заступаясь за своего подданного, отправил туда войско. Князь Федор Пестрый прибыл на устье Черной и оттуда повел войско на плотях. Вскоре он нашел удобным разделить его и на себя взял завоевание верхней Перми, а другой отряд, под начальством Гаврилы Нелидова, отправил в Нижнюю Пермь. Оба отлично повели дело. Гаврила опустошил пермские селения по пути, по которому шел. Князь Пестрый же, доходя до Иско-ра, встретил туземное ополчение. Произошло сражение – москвичи одолели. Предводитель пермяков воевода Качаим был взят в плен. Пестрый взял с бою город Искора и пленил пермских воевод Бурмата и Мичкина. По взятии Иско-ра Пестрый пошел на соединение с Нелидовым и сошелся с ним на устье реки Почка, впадающей в Колву (точно – Покча. – Л.С.). Здесь москвичи заложили город Почку. Вся пермская земля была покорена власти великого князя. Князь Михаил достался в руки победителей и был отправлен в Москву вместе с другими воеводами. Как образчик богатства края, воевода послал великому князю в подарок шестнадцать сороков соболей, шубу соболью, 29 с половиною поставов сукна, панцирь и две булатных сабли".

Так была – и уже навсегда – присоединена к Московскому государству Пермь Великая. Но Иван Третий не был бы Иваном Третьим, если бы на этом успокоился. Следующей в очереди на присоединение к Московии стала Югра. Вот как это описывает тот же Костомаров: "...Югра досталась Москве уже после совершенного падения Новгорода. (Это случилось в 1479 году, торжествующий победитель осуществил давнюю мечту своего предка – Ивана Калиты: среди других богатств он вывез из поверженного города несчетное число пудов серебра. – Л.С.) В 1483 году... князь Федор Курбский-Черный и Салтык-Травин пришли в Югру..."

Кстати, покорять зауральские народы умный великий князь московский направил, в числе других, пермские полки, приучая жителей новообретенной земли класть головы за московские интересы.

Экспедиция 1483 года замечательна еще и тем, что, разгромив возле впадения Пельма в Тавду войско вогульского князя, московские рати сделали глубокий рейд на восток. Они прошли вдоль реки Тавды до Тобола, оттуда спустились до Иртыша, вошли в Обь. Там встретили югорские войска, их разгромили и уже потом вернулись в Устюг. Не правда ли – путь Иванова воинства во многом предвосхищает дорогу Ермака.

В результате успешного похода Курбского и Травина зауральские вогулы и тамошняя югра обязались платить дань московским государям. И думали этим отделаться. "Но (как пишет Н.Костомаров) не таков был князь Иван Васильевич, чтобы оставить им независимость. Он решил уничтожить самобытную жизнь подвластных земель. В 1499 году отправились снова воеводы князь Петр Федорович Ушатый, князь Семен Федорович Курбский и Василий Иванович Заболоцкий-Бражник... по разным рекам, переходя волоками сухие пространства между ними, добрались до Печоры, а потом с величайшими затруднениями зимним путем перешли гору Камень, т.е. Уральский хребет. Русские удивлялись высоте гор, привыкши от рождения проводить жизнь на равнинах и болотах. "А камни в оболочках не видать..." (записал хроникер похода. – Л.С.).

"Я, – говорил Курбский впоследствии Герберштейну, – семнадцать дней поднимался на эти горы, а все-таки не дошел до самой вершины, которая зовется столп... Когда перешли русские Камень, близ города Ляпина в Обдорской земле явились к московским предводителям туземные князьки, сидя на санях, запряженных оленями, и предложили по обычаю мир и подданство, но воеводы не с тем пришли туда, чтобы оставлять независимым подчиненный

народ, — они взяли в плен князьков и пошли по югорской земле истреблять жилища и жителей. Таким образом, разорено было 40 городков, пятьдесят князей взято в плен и отправлено в Москву, а вогуличи и остяки вымаливали себе жизнь, обещая быть в вечном холопстве московском.

Так покорена была Югра..."

Следуя своей политике, великий князь московский и в Перми не оставил прежнего устройства правления. С 1505 года там появился первый наместник московский князь Василий Андреевич Ковер, руководивший краем уже как обычной частью Московского государства.

С Южным же Уралом, находившимся под протекторатом казанских царей, дело присоединения к Московии могло решиться только после полного одоления этого мощного очага сопротивления русской экспансии на восток. Еще около пятидесяти лет после покорения Югры московские и казанские рати с переменным успехом схватывались друг с другом, пока, наконец, в 1552 году Иван Четвертый, Васильевич Второй, не завершил благополучно дело всех предыдущих государей московских и не разгромил окончательно Казанское царство. Но об этом мы уже говорили.

Можно сказать, что завоевание Урала положило один из первых основательных кирпичей в строительство величественного здания одной из самых крупных империй на Земле за всю историю человечества.

Самоопределение Урала и возвышение его в российском масштабе началось на верхнекамской земле, с XIV века в русских летописях, указах московских князей именуемой Пермью Великой. Центром Перми Великой стала Чердынь, первое упоминание о которой относится к 1451 году. Чердынь была для своего времени весьма значительным городом. Опорой ее экономического развития было ее административное значение и положение в качестве крайнего пункта у перевала в Обский бассейн, на дороге в Сибирь.

На рубеже XVII—XVIII веков значение Чердыни как важного административного и оборонительного пункта на востоке Русского государства теряется. Экономический центр в пределах русского Урала из Чердыни перемещается в Соликамск, а в Зауралье возникает в 1598 году первый крупный экономический центр — Верхотурье.

По мнению Л.Е.Иофы предпосылками этого было, с одной стороны, продвижение русского населения к югу: быстро заселялись строгановские земли, а затем поселенцы начали спускаться и ниже по Каме⁷. Уже одно это обстоятельство сильно содействовало перемещению центра местной жизни южнее.

Транспортирование громоздких грузов в Сибирь и необходимость в более срочном сообщении остро поставили вопрос о новом сокращении пути в создающуюся русскую Сибирь.

Путь через Чердынь, которая возникла на древнем меридиональном пути из стран Среднего Востока (Иран) в Западную Европу (через Ледовитый океан), не удовлетворял новое широтное направление связей из Европейской России в Сибирь. Вместо того, чтобы следовать на восток, приходилось от Соликамска поворачивать на север по Вишере и ее притокам, чтобы затем, перевалив через Урал на Лозьву, спускаться снова на юг по Тавде к Тобольску.

Эту задачу и выполнил Артемий Бабинов. От Соликамска, оказавшегося крайним восточным пунктом старого тракта и одновременно водного пути в бассейне Камы, вместо бесполезного поворота на север, Бабинов проложил в 1597 году дорогу напрямик через леса и болота к верховьям Туры, где в 1598 году был построен на месте туземного городка Неромкура, новый город-таможня. Этот новый город, названный Верхотурье, приобрел выдающееся

значение в жизни Зауралья, благодаря своему положению на западной оконечности Обского бассейна, выдвинутой навстречу Соликамску.

Бабиновская дорога (официальное ее название – "Новая Сибирская Верхотурская дорога") почти на двести лет сделалась единственной дозволенной дорогой в Сибирь.

Так была поставлена точка в битве за Каменный Пояс.

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.8. М.,1989. Гл.4.

² Оборин В.А. Немые свидетели. Пермь, 1965.

³ Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952. С.151.

⁴ Струмилин С.Г. История черной металлургии СССР. М.,1954.С.13.

⁵ Дмитриев А.А. Древности бывшей Перми Великой. Пермская старина. Пермь, 1895.

⁶ Костомаров Н.И. Северорусские народоправства. СПб.,1913. С.416.

⁷ Иофа Л.Е. Города Урала. Т.1. М.,1951.

НА ЗЕМЛЕ АРТЕМИЯ БАБИНОВА

Этнографов Пермского университета, изучающих русское старожильческое население Урала, давно привлекали верховья р. Яйвы, потому как эти земли заселялись русскими на раннем этапе освоения Урала в связи с открытием Артемием Бабиновым в 1597 г. прямого пути в Сибирь. В то же время закрадывалось сомнение в целесообразности поисковой работы, так как было известно, что здесь в 1950-е–1970-е годы резко сократилась численность местного населения. По данным Верх-Яйвинского сельсовета, поступившим на наш запрос, в населенных пунктах верхней Яйвы на 1 января 1978 г. проживало всего лишь 110 человек (в 45 дворах), причем из них 79 человек в с. Верх-Яйва. Прежде же постоянных жителей было значительно больше. Переписные материалы сообщали¹, что в 1909 г. в 270 дворах насчитывалось 1506 человек, а в 1927 г. в 454 дворах – 2205. В середине 1970-х годов здесь не улучшались хозяйственные и культурные условия жизни, так как все населенные пункты официально признавались неперспективными.

Верх-Яйвинская этнографическая экспедиция в 1978 г. в составе 6 студентов и одного художника работала в с. Верх-Яйва и деревнях Замельничная, Ерзовка, Гашкова, Осипники, Коченгино, Махнево, Шубине, Гари, Камень. Руководил экспедицией Г.Н. Чагин. Во всех поселениях собирался материал по истории заселения региона и образования поселений, по хозяйству и материальному быту. Каждым участником экспедиции личные наблюдения и устная информация фиксировались в полевых дневниках, многие объекты были засняты на фотопленку, а художником выполнено около 60 живописных и графических работ. Привезенные участниками экспедиции 155 экспонатов переданы на постоянное хранение в Соликамский краеведческий музей².

Верховья р. Яйвы приходятся на горную часть Урала. По берегам много отвесных камней и возвышенностей, поросших лесом. С давних пор здесь обитали вогулы (их современное название манси). В пещере по р. Чаньве, левому притоку Яйвы, у них находилось святилище. Известный географ И.И. Лепехин, посетивший верховья Яйвы в начале 1770-х годов, писал, что в пещере стояли деревянные идолы, которым вогулы приносили в жертву оленей и лосей. В 1893 г. пещеру обследовал археолог С.И. Сергеев и при раскопках обнаружил большое скопление костей, металлические изображения животных, наконечники стрел, керамику, а также 5 арабских монет X в. и одну англо-саксонскую IX-X вв.³ Сведения о проживании вогулов по Яйве передавались от поколения к поколению. Вогулы вели кочевой образ жизни, постоянных поселений не имели и поэтому, очевидно, их не отметила первая перепись древнепермских земель 1579 г.

* * *

Важнейший этап в хозяйственной и культурной жизни горнотаежного района Урала начинается с конца XVI в. После похода Ермака, когда Западная Сибирь стала частью Русского государства, правительство было крайне заинтересовано в быстром сообщении с новыми восточными землями. На призыв царя Федора Иоанновича "вызвался указать новый путь" уроженец д. Верх-Усолка Соликамского уезда Артемий Софронович Бабинов. Новая дорога от Соликамска к верховьям р. Туры оказалась в 8 раз короче прежней, проходившей из Чердыни по р. Вишере к р. Лозье. В 1598 г. от Соликамска до вновь строящегося города Верхотурья насчитывалось 263, по другим данным

250 верст (в конце XVI в. верста была в 500 саженей — 977,9 м.). В Москве этот путь в Сибирь звали "Новой Сибирской Верхотурской дорогой", а в народе, ямщики — Бабиновской, по имени первооткрывателя.

Открытие дороги получило широкое освещение в летописях, документах, исторической литературе и народных преданиях, в которых Артемий Бабинов часто называется то Ортюшкой, Артемием, а иногда "сибирским вожем", "первопроходцем", "первым инженером". Известны случаи, что жители многих деревень объявляли его своим земляком.

Артемий Бабинов явился не только открывателем дороги, но и устройтелем всей верх-яйвинской земли. Царь Федор Иоаннович пожаловал его земельной дачей и выдал грамоту, чтобы "с его деревни и с его двора пошлины и оброки не брали... и велел ему по той же новочищенной Сибирской дороге жить на Ейве-реке на лготе и слободу устроили для проезду воевод наших и служилых и всяких людей, и наших соболиных и денежных казны и хлебных запасов..."⁴ Было время, когда посадская община Соликамска не считалась с царской грамотой и заставляла Артемия Бабинова платить налоги. По этому поводу он подавал челобитную царю из династии Романовых.

В 1617 г. царь Михаил Федорович новой грамотой подтвердил служебные обязанности и льготные условия проживания Артемия Бабинова: "И ныне де на том месте (в слободке Верх-Яйве. — Г.Ч.) жильцов всего 6 человек, а больше же туда на такую пустынь никто нейдет, что место пустое и пашни нет. А в прошлом 1615-1616 годах воздвигли они наше богомолье — храм Во имя Введения Пречистые Богородицы. И ведено ему по тем жалованным грамотам владеть по Ейве-реке вверх от Сибирской дороге 20 верст до р.Чикман, вниз по Ейве 15 верст до Ика-реки — пашнями, санными покосы и всякими угоды за его службу"⁵.

С открытием сухопутного пути в Сибирь Артемий Бабинов перешел на государственную службу. На всем протяжении дороги (от Верхотурья она шла до Туринска и Тюмени, а это еще 700 верст) он учредил станции-ямы, принимал меры к убыстрению почтовой гоньбы, совершенствовал проезд. Основанная им Верх-Яйвинская слободка позднее стала погостом и волостным центром.

По Бабиновской дороге не прерывались официальные государственные связи до закрытия таможни в Верхотурье в 1754 г. и создания нового Сибирского тракта со скорой ямской гоньбой из Перми через Кунгур до Екатеринбурга. По ней ехали воеводы и послы в восточные страны, доставляли царские указы и воеводские распоряжения, везли меха и всевозможные хозяйственные товары, отправляли в Сибирь опальных людей, здесь проследовали путешественники, исследователи и тысячи крестьян.

Ямскую гоньбу на дороге сначала пытались устроить путем подворной повинности вогулов. По указу царя Бориса Годунова им пригнали лошадей, выдали сани и "гоньную рухлядь". Но эта попытка окончилась неудачей, так как вогулы не имели навыков управляться с лошадьми и не хотели отказаться от хорошо обеспечивавшего свою жизнь звериного промысла. Поэтому местным воеводам и Артемию Бабинову последовали государевы указы, по которым им разрешалось "выкликать" из европейских поморских уездов и Перми Великой ямских охотников. Им выдавали деньги на переселение и предоставляли ряд льгот для проживания. Эта система оказалась приемлемой и число охотников на Бабиновской дороге росло очень быстро. Самое значительное число ямщиков сосредоточилось возле г.Верхотурья. В начале XVI в. недалеко от Верхотурского кремля и Николаевского монастыря основывается Ямская слобода⁶, сохранившаяся в топографии города до нашего времени.

Содержание дороги и увеличивавшиеся по ней проезды требовали значительной рабочей силы и поэтому правительство было заинтересовано в быстром сложении здесь постоянного населения. Поощрялось возникновение поселений вдоль дороги. Значительную часть населения составили крестьяне, пришедшие по своему желанию из поморских уездов. Они получали землю и заводили пашни, снабжали хлебом не только себя, но и служилое население.

Но своих ресурсов, как видно из документов XVII в., было далеко недостаточно. Организацию самой гоньбы правительство вынуждено было поддерживать за счет "ямских отпусков" – дорожной повинности, которая раскладывалась на жителей посадов и крестьян ближних погостов. Столбцы приказных дел, прочитанные нами в Москве в Российском государственном архиве древних актов, сохранили содержание челобитной 1686 г., в которой посадские люди Чердыни, Соли Камской и крестьянин Окологородного стану так "сказали про Сибирскую дорогу" царю: "В сибирские города на Верхотурье большая дорога лежит через Соль Камскую, а прочь той дороги в сибирские города иной никакой дороги нет. Да ем и по той дороге ямскую гонбу подо всякую великих государей казну и под бояр, и под воевод, и под посланников, и под служивых, и под рсылных людей подводы отпускаем от Соли Камской в Сибирь до Верхотурья, чердынцы и усолцы считая на подворовому числу вместе. И ту ямскую гонбу мы чердынцы и усолцы гоняем с великою нуждою. И от непосильной ямской гонбы и с Чердыни и от Соли Камской многие тяглые люди разбежались во льготные места, в иные города. И нам чердынцам и усолцам против иных городов, а наипаче против Вятки в ямской гонбе великое отягчение... А с нас пермиче и с усолцов сходит в ямскую гонбу и за нищетские дворы по рублю и по два рубли на год со всякого двора. Потому его подводы наймем на нужней и на дальней путь большею дорогою ценою и не допускают подводы до Соли Камской, за сто за дватцать за пять верст принимаем в Чердынском уезде в Косинском стану и с Косы наймем до Соли Камской по рублю и больши на всякую подводу, а вешним путем даем найма по пяти рублиев и больши от Соли Камской тех подводы отауцаем на Верхотурье через Сибирской студеной камень нужным путем, найму даем на всякую подводу по два и по три рубли, а вешним путем даем найму за всякую подводу по пяти и по десяти и по пятнатцати рублиев. А вятчана при нас чердынцов и усолцах живут не в ровенстве, в великой льготе"⁷. Чердынцы и усолцы закончили челобитную предупреждением, что от "от скудости может путь на большой дороге остановится", просили царя дать указание "помогать вятчанам, кунгурцам, Пыскорскому монастырю и соли камским промышленникам"⁸.

На верхнюю Яйву миграции извне прекратились в начале XVIII в. и с этих пор увеличение населения шло исключительно за счет естественного прироста. Потомки первопоселенцев вели достаточно рациональную хозяйственную деятельность и развивали традиции севернорусской культуры.

* * *

Как выглядит верх-язьвинская земля сегодня? Что помнит население о былой государевой дороге и о самом Артемии Бабинове? Какие специфические черты и оттенки приобрела культура и быт местного населения? Об этом и о многом другом решили узнать, отправляясь в очередную экспедицию.

В с.Верх-Яйву пришлось добираться не по старой дороге из Соликамска, а со станции Яйва. До пос.Камень ехали на автобусе и около 10 км шли пешком. Другого пути, кроме как еще плыть вверх по р.Яйве, не существовало.

После трудного перехода под дождем, с тяжелыми рюкзаками мы вышли из леса и с высокого холма открылась панорама большой округи.

Невольно захотелось пробыть воображением через толщу веков и хоть на миг представить эти места в момент заселения и освоения, когда распорядителем всей здешней жизни являлся Артемий Бабинов. Каждого вновь вступившего на эту землю волновало многое: размах полей, труд первых пахарей, всесторонне продуманное расположение деревень. С высокого холма увидели чуть заметный след дороги. Определили, как она спускалась под гору, заходила в село, шла по нему и подходила к перевозу. На другом берегу Яйвы дорога поднималась в гору и терялась в лесу. Здесь Россия и продвигалась в сибирские просторы...

* * *

На верх-яйвинской земле вспомнились имена людей, которых судьба забросила за Урал. В 1654 г. везли в сибирскую ссылку великого ревнителя древнего благочестия протопопа Аввакума, а в 1729 г. – опального первого губернатора Санкт-Петербурга, сподвижника Петра I А.Д.Меншикова. В XVIII в. по дороге проехали известные ученые Д.Г.Мессершмидт, капитан Витус Беринг, историк-археолог Г.Ф.Миллер.

Хотя Бабиновская дорога и считалась государевой, главной в Сибирь, но, судя по заметкам очевидцев, передвижение по ней причиняло немало трудностей. Проехавший здесь офицер (имя его осталось неизвестным) в 1666 г. писал: "... нельзя проехать ни с какой повозкой, так как мала и узка пробитая здесь дорога; поэтому через леса могут проехать только одни сани, так что когда сани встречаются с другими, сильнейший опрокидывает сани на бок, лошадей же толкают в снег, так что видны только их головы.

Тогда проезжают мимо, после чего опрокинутые бывают принуждены с большим трудом извлечь из снега опять на дорогу их лошадей и сани"⁹. Ю.Крижанич – выдающийся просветитель и общественно-политический деятель второй половины XVII в., хорват по национальности, католик по вероисповеданию, сосланный в Сибирь в 1661 г. как еретик, по мнению С.М.Сольвьева, "за неправославие" – натерпелся немало страха от неудобного пути. В своих дорожных записках он отмечал: "Дорога извивалась между скалами, огибала их, то поднимаясь, то круто спускаясь. Ямщики в таких случаях обвязывали сани ветками, чтобы они не так быстро скользили вниз. Лошадей выпрягали и спускали тяжело груженные сани без людей и лошадей"¹⁰.

* * *

В верх-яйвинских деревнях мы встретились со многими старожилами, потомками тех, кто обустроивал дорогу и основывал первые поселения. Население щедро делилось рассказами, охотно показывало старинные орудия труда, предметы домашнего обихода, одежду, украшения, извлекая все это чаще всего из кладовых, амбаров и с чердаков.

Сомнения наши по поводу памяти современников о прошлом этого края оказались напрасными. Как только мы вступили на верх-яйвинскую землю, так и слышали об Артемии Бабинове. О нем знали люди старшего и младшего поколений.

"Артемий Бабинов тайно увязался за вогулами. Чтоб не потерять сокму (тропу – Г.Ч.), он заламывал ветки деревьев. Так и прошел через Уральский хребет", – слышали от А.С.Старцева, 1891 г.р. "Верх-Яйве почти 400 лет. Артемий Бабинов жил в Соликамске и задумал провести тракт от Соликамска

до Верхотурье. До нашего села другого не было. Дорога шла на село Растес, у которого она сворачивала в сторону, поэтому и назвали место и село Растесом. Был в Верхотурье. Туда ходили молиться мощам Симеона Праведного", — вспоминал В.Ф.Пинягин, 1894 г. р. "Артемий Бабинов слышал, что вогулы жили по Чаньве. Пришел к ним, сказал, что нужно делать дорогу. Они ему дорогу показали. Рубили лес и в одном месте ушли в сторону. Вернулись, нашли прямой путь, но место, где заблудились назвали Растесом. Тут был ям. Дана была Артемию грамота от государя на землю на левом берегу Яйвы. Имел хорошую дачу. Потомки держали грамоту в туеске с двойным дном. Дачу продали Берлинскому, лесопромышленнику. Похоронен Бабинов на левом берегу Яйвы, на правой стороне от дороги. Раньше там был обтесанный камень, стояла избушка. Там хоронили из всех деревень, потому что на той стороне было больше людей. В Верх-Яйве был ям. Часовню в д.Коченгино строил Бабинов", — рассказал В.П.Старцев, 1899 г.р. "Бабиновская дача была в 300 тысяч десятин Копию с грамоты, полученной Бабиновым от русского правительства, снял И.П.Васев, житель д.Гашковой. Хранилась грамота в берестяном туеске с двумя днищами, но она не сохранилась. Потомок Артемия Бабинова Степан Иванович Бабинов и староста Федор Алексеевич Старцев продали грамоту Берлинскому, Вырученные деньги поделили между сыновьями и дочерьми Степана Ивановича: по 5 тысяч сыновьям и по 3 тысячи дочерям. Часть денег пошла в руки старосте. Бабиновы не сумели использовать свои возможности, как Строгановы, не развернули какое-либо производство, так как были неграмотными. Купив грамоту, Берлинский начал заготовку леса по Чикману, Яйве", — вспомнил П.П.Шешуков, 1894 г.р. "Слышал от отца, как дорогу стали проводить, так появились здесь люди. В д. Коченгиной жили Бабиновы — 6 сыновей и 4 дочери. Были они бедные. Артемия докормили до смерти и получили его дачу. Дачу продали Берлинскому из Перми. Но братьям оставили 12 тысяч десятин, дочерям — 3 тысячи. Дача находилась между Чикманом и Яйвой", — знал от своего отца Г.П.Пинягин, 1895 г.р. Эти и подобные им сведения жителей дают возможность глубже осмыслить историю верхней Яйвы.

Действительно, земельная дача Артемия Бабинова после его смерти переходила на правах личной собственности потомкам и в 1886 г. была продана пермскому лесопромышленнику Берлинскому. Какого-либо развитого хозяйства на ней не возникло.

Известны случаи, как в 1765 и в 1822 годы при Генеральном межевании земель дачу отнимала у потомков казна¹¹. По поводу незаконно замежеванных земель потомок Артемия Бабинова Кондратий Сильч Бабинов в 1820-е годы заявлял в суд. Дело в Пермском окружном суде рассматривалось значительно долго. По поводу его в Пермских губернских ведомостях появилась специальная статья под названием "Вековая тяжба Бабиновых"¹². Последним, кто вступил в права собственности, был племянник Кондратия Сильча Бабинова Степан Иванович Бабинов. Кроме того, известно, что Кондратий Сильч Бабинов в 1840-е годы рассказывал управляющему имения Г.А.Строганова Ф.А.Волегову, что часть земли Бабиновской дачи несправедливо замежевывали князь Голицыны и княгиня Бутеро к селу Яйвинскому (находилось в низовьях р.Яйвы) и заводовладельцы Всеволожские к Александровскому заводу. Кондратий Сильч дважды обращался в Пермскую межевую контору и межевую канцелярию, но положительного результата не получал¹³. Есть сведения, что какой-то частью земель Бабиновых владел врач г.Екатеринбурга И.И.Генних, так как в 1854 г. у него хранился "подлинник грамоты, данной Бабинову"¹⁴.

Известный историк Сибири Г.Ф.Миллер, возвращаясь в 1742 г. из экспедиции по сибирским городам, отметил: "Потомки этого Бабинова живут поныне в д.Чикман в Верхотурских горах на большой дороге. Они очень гордятся заслугами своего предка и хранят у себя жалованную грамоту царя Михаила Федоровича, данную Бабинову за то, что он указал эту дорогу и сделал ее удобной для проезда"¹⁵. В д.Чикман, отстоящей в 20 км от с.Верх-Яйва, Г.Ф.Миллер скопировал грамоту и позднее опубликовал ее¹⁶.

По словам старожилов, местом проживания последних потомков Бабинова была другая деревня – Коченгино, расположенная ближе к р.Яйва и с.Верх-Яйва. Во время работы нашей экспедиции деревня оставалась уже нежилой. Но нам указали дом Степана Ивановича Бабинова. Его сыновья – Степан, Матвей, Алексей, Иван, Борис, Василий проживали в собственных домах, а четыре дочери вышли замуж в деревни Ерзовку, Коченгино, Селянку, Махнево.

У старожилов верхней Яйвы, на что они обратили и наше внимание, оказывается принято произносить фамилию Бабинов и название дороги – Бабиновская – с ударением на третьем слоге, а не на первом, как они услышали от нас, или же на втором, как обозначено в Большой советской энциклопедии.

Достоверность факта о захоронении Артемия Бабинова на кладбище с.Верх-Яйва подтвердить какими-нибудь документальными свидетельствами пока не предоставляется возможным. Может быть здесь похоронен не сам открыватель дороги, а его какой-то потомок, возможно, тоже знатный. Но и опровергнуть информацию нельзя, так как многие старожилы говорили об этом с большой уверенностью, ссылаясь на рассказы предков. Мы не смогли отыскать надмогильный камень с именем Бабинова, поскольку с 1914 г. здесь захоронений уже не велось и кладбище заросло лесом. Но видится это место наиболее удачным для хорошего памятника важнейшей дороге Русского государства и ее открывателю-первопроходцу.

К сожалению, пока еще мало известно фактов из биографии Артемия Бабинова. Возможно, свою родную деревню Верх-Усолку он покинул рано, так как в канун открытия дороги жил на посаде Соликамска и занимаясь торговлей. В 1597 г. в Соликамске вел торговлю с племянником и имел какие-то дела с "верхотурскими жильцами", на которых вынужден был пожаловаться по поводу неуплаченного долга царю Борису Годунову. Сохранилась царская грамота 1599 г. - Верхотурскому воеводе В.П.Головину и голове И.В.Воейкову, в которой предписывалось помочь устранить создавшийся конфликт, как только "наша грамота придет, а Ортюшка Сафонов на Верхотурье придет"¹⁷. Предлагалось "тех торговых людей, верхотурских жильцов Иванка до Михалка Комаровых... поставить перед собой с ним, с Ортюшкою с очей на очи, да в том бы сети их судили и всякими сыски сыскали накрепко, да по суду своему и по сыску меж их управу училили по нашему указу безволокитно"¹⁸. На оборотной стороне этой грамоты писец Верхотурской воеводской канцелярии оставил запись, позволяющую увидеть в биографии Артемия Бабинова достаточно существенный факт: "В новой город, на Верхотурье, Василью Петровичу Головину, да голове Иваке Васильевичю Воейкову. 17 (1599 г. – Г.Ч.) апреля в 12 день привез ею грамоту сибирские новые дороги вож Ортюшка Софонов"¹⁹. Из записи видно, что Артемий Бабинов ездил в Москву и был благодетельствован царем. Последний датированный факт из жизни Артемия Бабинова, которым мы располагаем, относится к 1623 г. Сохрани-

лась грамота Артемия Бабинова, в которой он пишет о передаче пашенной земли в Соликамском уезде игумену Соликамского Вознесенского монастыря²⁰.

• • •

Экспедицией сняты планы всех поселений, записаны сведения от старожилов по истории их возникновения. Планировка поселений, обусловленная рельефом местности, была рядовой; уличная – только в д. Махнево. В центральной части с.Верх-Яйва сохранилось деревянное здание церкви Во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы 1856 г. Ей предшествовала церковь, построенная в 1737 г. Но первая церковь на этом месте, как нам известно, была воздвигнута самим Артемием Бабиновым в 1615-1616 годы. Улицу в подгорной части с.Верх-Яйва называли Сибирской, поскольку от центра села она находилась в стороне и не близко к храму, как и Сибирь, о которой жители были немало слышаны.

Усадьбы крестьян везде были однотипные: трехкамерное жилище – изба, сени, вторая изба, – соединенное с двухъярусным двором. Появление второй избы в связевом жилище пришлось на 1880-е – 1890-е годы. До этого третьей частью жилища являлась хозяйственная клеть. Многие постройки сохраняли элементы безвозвездной конструкции крыши – охлупные бревна, крюки-курицы, желоба-потоки. Внутренняя планировка изб везде была севернорусского варианта: печь слева или справа от входа, передний (красный угол) по диагонали от печи.

Традиционный костюм был тоже севернорусского типа: у мужчин туникообразная рубаха и штаны из грубой домотканой полосатой ткани; у женщин – сарафан (дубас). Верхняя одежда – понитки, зипуны, шубы. Из обуви бытовали бахилы, бродни, коты, уледи, валенки. Экспедицией собраны разнообразные орудия труда, посуда, предметы домашнего обихода, украшенные резьбой и росписью, наличники, кованые дверные петли-жиковины, деревянные спицы-вешалки в форме птицы и оленя, резные набелки детали берда от ткацкого станка и многое другое. Наиболее ценной является коллекция расписных и резных копыльных (корневых) прялок (пресниц), а также трепал, которыми удаляли кострику при обработке льна и конопли. Многие старожилы помнили лучшего резчика по дереву В.Н.Туснина из д.Осинники, руками которого были созданы многие показанные нам прялки, веретена, трепала, корыга, ведра, коромысла.

Своеобразие верх-яйвинских прялок в том, что они имеют массивную лопасть 25-30 см в ширину и 40-45 см в высоту, – с сережками внизу и, как правило, с семью головками вверху. Лопасть покрывалась трехгранновыемчатой резьбой, центральной фигурой ее была солнечная розетка. По форме, орнаментации и названию эти прялки близки северодвинским. Самой интересной является композиция на прялке, полученной в с.Верх-Яйва от учительницы А.П.Старцевой. В центре лопасти – многолучевая солнечная розетка, олицетворяющая издревле солнце, с четырьмя небольшими розетками по центру, сверху и снизу еще по семь таких же маленьких розеток, как в центре. Все семь головок лопасти украшены аналогичными небольшими розетками. Такой мотив не является случайным. Четыре розетки в круге могли символизировать четыре фазы луны, продолжительность которых была по семь суток. Не зря же здесь так ярко выражена привязанность к числу семь.

Трепала были ножевидной формы, с рукояткой "кобылкой" и "носиком", которые иногда имели форму головы коня. Трепала то же украшались резными солнечными розетками. Два трепала, которые в д.Ерзовка передала нам

К. И. Байбакова, были сделаны мужем в 1925 г. ко дню свадьбы. "А ведь делал словно так, — говорила она нам, — как я желала: сделай, миленький, трепало, чтобы сердце припадало, на середине вырежь круг — будешь вековечный друг".

Большим успехом экспедиции является обнаружение крестьянских изб в с. Верх-Яйва, деревнях Замельничной, Гашково, Гари, Коченгино, в которых сохранились расписные интерьеры. Авторами этих живописных работ были вятские мастера, артели которых брали подряды на строительство домов и различных хозяйственных построек на обследованной территории. Из вышеупомянутых деревень вывезены детали печных окладов, залавки, шкафы, полки (грядки), которые были расписаны в первой половине XIX в. Все эти предметы являются подлинными произведениями народного искусства.

Щедро одарила нашу экспедицию верхняя Яйва. И пусть произведения народного искусства, многочисленные предметы быта, фотографии, записанные воспоминания старожилов и наши личные впечатления еще долго прославляют землю Артемия Бабинова, талант многих его земляков. Где еще так глубоко можно почувствовать органическую связь истории и природы!

¹ Списки населенных мест Пермской губернии. Соликамский уезд. Пермь, 1909; Списки населенных пунктов Уральской области. Верхнекамский округ. Свердловск, 1928. С.44.

² Инвентарный номер коллекции 3293.

³ Памятники истории и культуры Пермской области. Пермь, 1976. С.22.

⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.-Л., 1937. Т. 1. С.449-450.

⁵ Там же.

⁶ Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI — первой половине XIX века. Пермь, 1995, С.59

⁷ РГАДА. Ф.159 Оп.3.Д.2521. Л.1.

⁸ Там же.

⁹ Исторический архив. М.;Л., 1936. С.152-153

¹⁰ Пушкарев Л.Н. Юрий Крижанич: Очерк жизни и творчества. М., 1984, С.116

¹¹ ГАПО. Ф.672. Оп.1 Д.39; Адрес-календарь и Памятная книжка Пермской губернии 1907 г. Пермь, 1907. С.109.

¹² Вековая тяжба Бабиновых // ПГВ. 1898. №29.

¹³ ГАПО. Ф.672. Оп.1 Д.39.

¹⁴ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С.504.

¹⁵ Там же. С.305.

¹⁶ Там же. С.449-450.

¹⁷ РГБ. Отдел рукописей. Ф.256. 48. 1. Л.3.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л.4.

²⁰ РГАДА. Ф.281. Оп.17. Д.11 218. Л.1.

БАБИНОВСКАЯ ДОРОГА ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦА XVII ВЕКА

В середине XIX века русский историк и литературовед К.Я.Грот путешествовал по Дании с чисто научными целями. Его интересовали старинные рукописи, которые он разыскивал в различных библиотеках и книгохранилищах. Много времени провел он в Копенгагене и работал в королевской библиотеке. Здесь в "старом королевском собрании" "Gamle Kgl. Samling" он нашел под № 2223 рукопись на немецком языке под заглавием "Beschreibung der Reise auf Siberien und weiter ins Land" (Описание путешествия в Сибирь и далее внутрь страны). Но К.Грот не получил полный текст рукописи и не раскрыл ее содержания.

В 1930 г. М.П.Алексеев при подготовке своей книги "Сибирь в известиях западно-европейских писателей" обратился в копенгагенскую королевскую библиотеку и получил фотоснимки этой рукописи. Он перевел рукопись на русский язык, а несколько отрывков опубликовал в первой своей книге¹. Позднее М.Алексеев опубликовал полный текст этой рукописи² и тем самым ввел в научный оборот новую информацию, рассказывающую о поездке по Бабиновской дороге в середине XVII века. М.Алексеев опубликовал рукопись сразу на двух языках – на немецком, на котором была написана рукопись, и на русском. Он перевел название рукописи следующим образом – "Описание путешествия в Сибирь и далее в различные местности страны".

Какова история рукописи?

5 января 1666 г. 46 иностранных офицеров под начальством полковника, принятые на русскую службу, отправились из Москвы в Тобольск. Ехали они по традиционной московской железной дороге в Сибирь, через Ярославль, Вологду, Тотьму, Сольвычегодск, Ивангород. И 10 февраля прибыли в Соликамск. Затем по Бабиновской дороге перебрались через Уральские горы и 18 февраля приехали в Верхотурье. А 3 марта они уже въехали в Тобольск, столицу Сибири.

Кто написал рукопись?

На обложке рукописи рукою Г.Грама, директора королевской библиотеки, работавшего там в середине XVII века, сделана помета: "Hn Friedrich von Gabels". На основании этой пометы автором рукописи обычно считали Фридриха Габеля, бывшего в те времена датским послом в Москве.

Но в России он в первый раз был в 1676 г., на основании чего М.Алексеев совершенно справедливо отрицает авторство Габеля по отношению к рассматриваемой рукописи. К этим доводам М.Алексеева можно добавить еще один.

Помету на обложке рукописи следует переводить как "Господина Фридриха фон Габеля", трактуя ее как владельческую, а не авторскую.

Пока отсутствует ответ на вопрос об авторстве рукописи. Ее написал один из иностранных офицеров. Но имя его пока остается неизвестным. Имя его следует искать в архивах. Будем далее его так и называть – Неизвестный.

Как рукопись попала в Копенгаген?

В библиотечном каталоге в Копенгагене на карточке рукописи была сделана запись: "Grammjo adnotante durch Fr.V.Gabells" (по приписке Граммия от Фр. фон Габеля). Граммий – это латинизированная форма от Грам. Фридрих фон Габель в те годы был датским дипломатом. В Москве Габель встретился с Юрием Крижаничем, получившим разрешение вернуться из ссылки в Сибири, где он провел 15 лет (с 1661 по 1676 гг.). Габель выхлопотал у московского правительства разрешение увезти Крижанича с собой и действительно увез его

из Москвы в 1677 г. Поэтому М.Алексеев считал вполне возможным следующий вариант². Когда в 1666 г. Неизвестный прибыл в Тобольск, там уже находился Крижанич. Они познакомились. А когда Крижанич уезжал из Тобольска, то Неизвестный передал ему свою рукопись, возможно, для опубликования в Европе. Крижанич в свою очередь передал рукопись Габелю, от которого она попала к Граму, приписавшего ее к королевской библиотеке. Однако, думается, такое объяснение М.Алексеева является необоснованным и построенным на догадках. И против такого объяснения выступает сам Неизвестный. Действительно, при описании скал, расположенных в районе деревни Косьва, Неизвестный записал: "На обратном пути (подчеркнуто нами — В.К.) мой возница рассказал мне, что на эту последнюю скалу, наверх, взобрался русский поп..." Отсюда следует, что Неизвестный вернулся из Сибири по той же Бабиновской дороге, а затем уже в европейской части России написал свою рукопись, которая затем каким-то образом попала к Габелю: может быть сам Неизвестный передал свою рукопись Габелю, а может быть это сделало какое-то третье лицо. Несомненно дневниковые записи и черновые наброски описания Неизвестный сделал как на переднем пути из Москвы в Тобольск, так и в Сибири.

Но окончательная редакция описания появилась не в Сибири, так как Неизвестный упоминает и факты "обратного пути".

Что из себя представляет рукопись?

Рукопись написана в тетради, состоящей из 16 листов, в четверку. На обложке (на первой странице) написано заглавие, которое приведено выше. В начале текста на третьей странице приведено расширенное название: "Правдивое описание нашего дальнего путешествия из Москвы до города Тобольска, главного города Сибири, которое я сам совершил, делая по возможности прилежные наблюдения в 1666 году, в обществе 46 офицеров, для точного осведомления интересующихся". Рукопись состоит из нескольких частей. В первой части приведено описание пути от Москвы до Тобольска. Здесь Неизвестный пунктуально отмечает все привалы, остановки и ночевки. Он указывает расстояния между отдельными пунктами. Дает описания городов, местечек и сел. Приводит характеристики окружающих местностей. Описывает занятия, обычаи и нравы населения. В нескольких случаях приводит ряд слов с местных языков с переводом на немецкий язык. Во второй части рукописи дано "Описание города Тобольска, а также его окрестностей и особенностей". Здесь Неизвестный характеризует общее расположение Тобольска, отмечая нагорную и подгорную части города. Он описывает крепость с острогом и девятью башнями, а также различные городские постройки. Характеризует разные слои населения. В третьей части рукописи дано "Описание бухарцев и их промыслов", включая одежду, занятия, жилища, украшения, церковь, поездки в Китай и привозимые китайские товары. Здесь же приведены краткие описания некоторых сибирских рек (Тобол, Иртыш, Обь и др.) и местностей (Березов, Мангазея, Даурия). При описании Тары Неизвестный подробно рассказывает о калмыках. В четвертой части представлены описания ряда народов Сибири (татары, вогулы, остяки, киргизы, башкиры, монголы, зыряне), а в пятой части приведен перечень главных рек, включая Каму и Туру, между которыми и проложена Бабиновская дорога, интересующая здесь нас более всего.

Характерной особенностью рукописи является запись в виде трех колонок. В первой, располагаемой на страницах слева, указываются названия характерных мест (городов, поселков, рек, гор, отдельных участков пути и др.), а также в ряде случаев направление движения пути и различные приметы собы-

тий. Во второй колонке дается текст описания. В третьей колонке, расположенной с правой стороны листа, указаны расстояния между отдельными пунктами. От Москвы до Сольвычегодска эти расстояния измерялись верстами, а после Сольвычегодска – в чемкасах. По мнению Неизвестного чемкас – зырянская единица длины – составлял одну немецкую милю, которая приравнялась примерно к пяти русским верстам.

"Описание города Соликамска..."

...Это скверный городок, лежит недалеко от реки... здесь вываривается много соли из воды, вычерпываемой из источников... когда выезжают к городу из лесу, то вид его производит впечатление, будто здесь стоят много сот кораблей с их мачтами, благодаря черпакам, которыми черпают воду..."

В те годы город назывался Соль Камская, составляя название из двух слов. Он уже в то время был крупным промышленным и торговым центром в Приуралье, развившимся благодаря солеварению.

"...Город совсем не укреплен, лишь только деревянной стaketой, без бойверка..."

Город Соликамск в то время был обнесен деревянным тыном, изготовленным из бревен, поставленных вертикально вплотную друг к другу.

12 февраля компания офицеров выехала из Соли Камской и заночевала в Верхней Усолке. А на следующий день добрались до Верхней Яйвы. Неизвестного поразила узость дороги в лесу.

"...Через леса могут проехать только одни сани, так что когда сани встречаются с другими, сильнейший опрокидывает сани на бок, лошадей же толкают в снег, так что видны только их головы. Тогда проезжают мимо..."

Такой метод разъезда применяется и поныне.

В полночь на 14 февраля выехали из Верхней Яйвы и по гористой местности проехали "на восток" до долины реки Чикман. Затем "по новой дороге" "на юг" вверх по руслу реки Чикман, сделав вслед за рекою поворот "на север". Старая дорога срезала петлю реки Чикман и выходила снова на эту реку в районе современного поселка Молчан. Эту "новую дорогу" зимой проложили "возчики царской казны, под горой на земле и по руслу реки Чикман". Затем перевалили в долину реки Косьва, а поздним вечером прибыли в деревню Ростес, подле которой течет река Кырья. На этом участке пути главными моментами описания были переезды через горы. Между долинами рек Яйва и Чикман.

"...Проехали три высоких горы, имея перед собой еще более высокие каменистые скалы, на которые прямо страшно смотреть, они очень высоки и тянутся далеко в длину, все поросшие сосновыми и кедровыми деревьями..."

Особенно поразили Неизвестного скалы около деревни Косьва.

"...У самой деревни стоят ужасно высокие и длинные скалы, которые называют Камень, на одну скалу прямо страшно смотреть, так как вершина ее похожа на старый разрушенный замок, имеющий высокую башню с длинной узкой верхушкой..."

Другая скала также очень высока, тянется далеко в длину, вершина ее безлесна, но она до половины кругом заросла дремучим лесом..."

Неизвестный живо описывает способ преодоления крутых спусков с гор.

"...Только поднимешься наверх, нужно опять спускаться в глубину ужасными ущельями, и возницы принуждены крепкими стволами деревьев с ветвями обвязывать сани, чтоб они не так стремительно летели вниз, так как лошадей нужно выпрягать, потому что никакая лошадь не может удержать сани..."

Такие трудности зимою видел на Бабиновской дороге и С.Ремезов во время двух своих поездок в Москву в конце XVII века. Поэтому-то он на запросы

московских властей о возможности провоза тяжелых и громоздких пушек по Бабиновской дороге давал отрицательный ответ. Именно из-за трудностей пути на Бабиновской дороге пушки из Каменского завода стали вывозить по удобной дороге на реку Чусовую и сплавлять их по ней в весеннее время.

В деревнях Косьва и Ростес Неизвестному рассказали о зверях, которые водятся в здешних местах, и он сделал записи, в которых перечислил соболей, лисиц, крестоватиков, оленей, медведей, куниц и т.д.

15 февраля "по очень скверной дороге, по сваленным деревьям, сквозь чащу холмистого леса" проехали до деревеньки Верхняя Кырья. Здесь Неизвестный впервые увидел живого соболя, которого хозяин "держал в маленькой плетеной клетке".

"...Соболь не ел ничего кроме мяса и не казался диким..."

16 февраля конный караван переехал через Уральский хребет.

"...за три часа до зари, двинулись мы в путь через большой и густой лес, с одной горы на другую. Мы спустились по одной из них, по дороге, вплоть до земли и реки Ляля, которая тянулась на пять верст (что составляет одну милю), дорога сделана была по склонам горы, так как с нее нельзя было спуститься непосредственно вниз: с левой стороны была ужасно глубокая пропасть, и дорога шла прямо рядом с ней. С другой стороны этой долины стоит могучая высокая скалистая гора, слева же опять нет ничего, кроме гор и скал, которые, благодаря тому, что они обросли лесом, похожи на черные тучи. Так приехали мы на упомянутую выше реку Лялю и ехали вдоль по ней около часу до четырех татарских юрт, которые расположены возле реки..."

"...Из упомянутых татарских юрт, где мы кормились, поехали мы через густой и очень холмистый лес, выбрались из него к вечеру в деревушку, состоящую из четырех дворов и называемую Мелехина..."

Описание этого участка для нас является чрезвычайно интересным, так как, судя по описанию, в середине XVII века Бабиновская дорога оказывается пересекала Уральский хребет не в том месте, где она проходила спустя век. Внимательно проследим за описанием Неизвестного, который изредка записывал направление пути. Хотя остается неясным, как он ориентировался: то ли у него был компас, то ли он определял направления по солнцу. В любом случае записи направления движения для нас весьма ценны. Выехав из Верхней Кырьи они переехали через горы и спустились в долину реки Ляли. А не в долину реки Павды, как Бабиновская дорога проходила спустя некоторый период. Может быть Неизвестный ошибся в записи названия реки? Но эту версию следует сразу же отбросить, так как его описание полностью соответствует пути именно через верховья реки Ляля. В том месте рукописи, где идет описание начального участка реки Ляли, Неизвестный в крайней левой колонке рукописи сделал пометы: "река Ляля" и "на юг". И действительно в самом истоке река Ляля течет "на юг". Если бы они перевалили через горы из верховьев реки Кырья в долину реки Павды, то это направление было бы "на восток". И выехали бы они тогда на участок реки Павды, который имеет направление "на восток", а не "на юг". М.Алексеев в русском переводе рукописи неточно записал направление в верховьях реки Ляля как "на юго-...восток", где в разрыве между двумя этими словами еще стоит помета "Глубокая долина"². Однако в немецком тексте рукописи после слов "на юг" отсутствует тире. А следующее направление "на восток" записано через три промежуточных пометы, а не через одну, как в русском переводе. Поэтому следует понимать записи в оригинальной рукописи как указания на два самостоятельных направления "на юг" и "на восток", относящихся к двум различным участкам реки Ляли, а не как единое направление "на юго-восток". Такая трактовка точно соответ-

вует географической реалии: в верховьях река Ляля течет на юг, а затем в средней части своего течения поворачивает на восток. Если бы дорога из Верхней Кырьи проходила в верховья реки Павды, то этот путь практически все время пролегал бы в восточном направлении. И тогда Неизвестный нигде бы не смог обнаружить направления долины "на юг". Сказанное подтверждается еще и другими соображениями. В двух местах рукописи встречается написание направлений в виде двух слов. В одном случае после переезда через реку Сысолу поехали "Nordost". В другом случае после переезда через реку Коза поехали "Sudost", то есть при записи промежуточных направлений по отношению к четырем сторонам света (север, восток, юг и запад) Неизвестный записывал эти промежуточные направления слитно, без тире и без разрыва этих двух слов. Поэтому направления "на юг" и "на восток", записанные около текста с описанием реки Ляли следует понимать как отдельные характеристики разных участков долины реки Ляли, а не как единое направление реки "на юго-восток". Общее направление "на юго-восток" никак не могло соответствовать реальности и по той простой причине, что река Ляля в нижней части своего течения вообще поворачивает на север. И еще одно соображение, которое подтверждает путь Неизвестного в верховья реки Ляли. Он отметил, что в долину реки Ляли нельзя было спуститься непосредственно с горы вниз, так как "с левой стороны была ужасно глубокая пропасть". А "с другой стороны этой долины стоит могучая скалистая гора, слева же опять нет ничего, кроме гор и скал". Это описание прекрасно соответствует в действительности истокам реки Ляли, представляющих собою узкую глубокую долину, левый борт которой состоит из обрывистых скалистых участков, поросших в нижней части густым лесом. Если бы Неизвестный проехал из Кырьи в реку Павду, то его описание никак не соответствовало бы реальности. В районе перевала через Главный Уральский водораздел из Кырьи в Павду находится относительно пологий склон, не имеющий никаких "глубоких пропастей". Сама долина реки Павды в этом месте широкая. А ближайшая скалистая вершина на левом борту долины (Павдинский Камень) находится на далеком расстоянии (около 8 километров). Таким образом, судя по описанию Неизвестного, Бабиновская дорсга в середине XVII века переваливала через Уральский хребет из долины реки Кырья в долину реки Ляля. И только позднее этот перевальный участок дороги был изменен: из долины реки Кырья дорогу проложили в долину реки Павды. Нам посчастливилось путешествовать в описываемых краях. На основе личных наблюдений можно подтвердить целесообразность переноса дороги на перевальном участке через Уральский водораздел: путь на реку Павду несопоставимо проще по сравнению с дорогой в верховья реки Ляли.

В своем рассказе мы оставили нашего путешественника в деревне Мелехина. Здесь они отдохнули и на следующий день 17 февраля проехали в деревню Караул.

"...На расстоянии, которое мы проехали за этот день путешествия, лежат высокие, длинные и суровые каменные утесы, все поросшие елями и березами, удивительно, что деревья могут расти из твердых щелей в камнях, некоторые выглядят весело, другие жутко. К тому же некоторые из них, а также скалы, нависают над ручьем, по которому едут вниз, и непривычным иностранцам кажется, что скалы вот-вот обрушатся в реку и на головы проезжающим..."

В этой части описания Неизвестный касается нескольких моментов. Он дает краткую характеристику вогулов, живущих в этом крае. Сообщает о том, что в этих местах "жители расчищают окрестности от деревьев и кустарников, превращая их в пашни", на которых "растут хорошие хлеба". Здесь он собрал сведения о названии деревни, которой дали имя "Караул".

"...Потому что царь поставил здесь приказчика или начальника со стражей, они должны следить за всеми, кто выезжает из Сибири или едет туда, а также наблюдать за тем, чтобы не возили туда и не вывозили оттуда никаких несвободных товаров, плохо приходится тому, кто не имеет проезжей грамоты, данной воеводой..."

18 февраля путешественники приехали в Верхотурье. И далее Неизвестный дает описание города:

"...Этот город – первый город Сибири и представляет собою, по местному обыкновению, крепость, обнесенную деревянным тыном, как стеною, не очень высоким, но довольно прочным, с внешней стороны также хорошо укрепленным башкиром, он выстроен против башкир..."

Сравнивая описания Соликамска и Верхотурья, можно прийти к выводу о том, что крепостная стена у второго была более совершенной и укрепленной, чем у первого.

"...Город стоит на твердой скале, немного холмистой, не очень высоко над берегом реки Туры, окружен на 1/4 мили лесом, и является ключом и первым проходом в Сибирь, через который проходят все люди, сани, грузы и товары, словом все, что отправляется из страны или идет в нее, никто не проходит мимо..."

В Верхотурье была расположена таможня. И правительство из фискальных соображений приняло решение направить все грузопотоки товаров только через одни сибирские "ворота" – Верхотурье. В одном из царских указов было записано, что "из Сибири и в Сибирь многим дорогам быть не пристойно". Поэтому как только появлялась, какая либо новая дорога через Урал "мимо Верхотурья" было приказано новую дорогу "засечь накрепко, чтоб отнюдь конным людям проезду, а пешим проходу не было"³. На таможне производился тщательный досмотр вещей и товаров. При этом "записано было все, что они (таможенники – В.К.) видели", – так Неизвестный отметил досмотр в своей рукописи.]

20 февраля 1666 г. Неизвестный со своими спутниками выехал из Верхотурья в Тобольск. Дальнейшее его пребывание в Сибири является предметом для особого разговора. В заключение отметим еще два момента. Неизвестный считал, что западная граница Сибири проходит по начальным горам, расположенным к востоку от реки Яйва. Он записал: "...Сегодня (14 февраля – В.К.) вступили мы, в Сибирь, так как эти горы отделяют друг от друга Россию и Сибирь..." Таким образом, как только они поехали по крутосклонным горам между реками Яйва и Чикман, так посчитали, что уже они въехали в Сибирь.

За окончание Уральских гор на восточном склоне путешественники приняли деревню Караул: "...Здесь распростились мы с высокими горами и утесами, которыми с трудом ехали мы 31 милю нашего пути..."

В итоге, ширину Уральских гор с запада на восток по Бабиновской дороге они принимали примерно 155 километров.

Вот и закончился наш рассказ о том, что видел иностранец на Урале, проезжая из Соли Камской в Верхотурье по московской Бабиновской дороге. Его глаза, восприятие и память прежде всего зафиксировали горы, скалы и утесы, которые были "ужасными", "страшными", "похожими на старый разрушенный замок". Дороги он видел как "малые и узкие" и "очень скверные". Спуски с гор показались ему "крутыми и ужасными". Глаза Неизвестного всюду видели леса – сосновые, еловые, березовые, кедровые. Впервые увидал он здесь живого соболя. Отметил он и население края.

Для нас же особенно ценно его описание водораздельного участка Бабиновской дороги через Уральские горы. Из описания Неизвестного однозначно следует, что Бабиновская дорога в середине XVII века пересекала хребет на участке река Кырья – река Ляля. И только позднее проложили более удобную дорогу из Кырьи в долину реки Павды. Когда же это произошло? Это еще предстоит выяснить уральским краоведам.

¹ Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932. Т.1.

² Алексеев М.П. Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII в. // Исторический архив. М.-Л., 1936. Т.1. С.97-194.

³ Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири. М., 1928. С.107.

СЛОВО
НА ТОРЖЕСТВЕННОМ АКТЕ
ПО СЛУЧАЮ 300-ЛЕТИЯ ПРОСЛАВЛЕНИЯ
СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО СИМЕОНА ВЕРХОТУРСКОГО

Не раз переживала наша Отчизна тяжелые и смутные времена. Но всегда они пресекались милостью Божией, молитвенным заступлением за землю нашу Богоматери и святых угодников Российских. Но не меньшее испытание ждало наших предков, когда казалось, что угроза независимости нашей Родины и душевному спокойствию нашему была уже позади. Как дальше строить экономическую и политическую жизнь государства, что делать для ближних своих и для спасения собственной своей души? Эти вопросы вставали и вставят еще неотступней, когда минет время крайней нужды и смертельной опасности. И в такие дни являл Господь нашим дедам Святых своих угодников. Так было во времена святого благоверного князя Александра Невского, так было и при татаро-монгольском нашествии, когда Сергей, игумен Радонежский, своим влиянием помогал великим князьям собирать Русь. Во время французского засилья преподобный Серафим Саровский, через свою духовную жизнь, являл нам пример духовной жизни настоящего русского человека. Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский во времена совсем близкие к нам был, если можно так сказать, рупором обличения безбожных сынов России.

Сегодня мы собрались здесь для того, чтобы почтить память одного из славных российских угодников Божиих - святого праведного Симеона, Верхотурского чудотворца, покровителя Урала и Сибири. Совсем мало известно нам о его земной жизни. Благодетельное предание говорит нам, что праведный Симеон пришел в окрестности Верхотурья совсем молодым странником. О родителях его говорится, что они принадлежали к почетному дворянскому сословию, и они были людьми благочестивыми, сумели воспитать сына в страхе Божием и любви к Родине. Отсюда его отвращение к житейским благам и тревоблениям, стремление к богомыслию и подвигам духовным, к душеполезному уединению, которого пришел искать юноша в эти отдаленные места.

Известно, что постоянного угла своего святой праведник не имел. Зимой он шил крестьянам "шубы с нашивками" за кров и пропитание, переходя из дома в дом. Летом же большую часть времени уделял молитве, перебиваясь рыбной ловлей. Особенно любил он посещать храм во имя святого Архистратига Божия Михаила в селе Меркушинском. Был праведный Симеон кроток, ласков, почитателен ко всем. Жизнь этого угодника Божия является подлинным воплощением его завета нам, грешным: "Молю вас, братие, внемлите себе, имейте страх Божий и чистоту душевную и телесную". Так гласит надпись на иконном свитке угодника Божия.

Скончался святой праведный Симеон в 1642 году, в возрасте около тридцати пяти - сорока лет от роду. Жители села Меркушинского питали глубокое уважение к праведнику, и с честью похоронили его возле любимой его церкви.

Через пятьдесят лет после погребения, когда память о праведнике уже стала изглаживаться из людской памяти, а имя его было забыто - гроб с его останками стал восходить из земли. С изумлением узрели православные сохранившееся в нетлении тело. Вскоре стали замечать, что молитвенное обращение к праведнику и земля с его гроба исцеляют "от недугов душевных и телесных". Первым в списке исцеленных стоит Григорий, слуга воеводы Савелова,

находившийся в чрезвычайном расслаблении более года, так что не мог ни ходить, ни что-либо делать своими руками. Привезенный в Меркушинское Григорий, после молебна Архистратигу Михаилу и панихиды при гробе праведного, встал на ноги, а вскоре и полностью исцелился. Затем произошло исцеление Илии, слуги воеводы Нарылкина, от глазной болезни, и дальше последовали многие другие чудеса.

Слухи об этих и других исцелениях дошли до Преосвященного Игнатия, митрополита Tobольского и Сибирского. 31 декабря (по новому стилю) 1695 года по его указу игумен Далматовской обители Исаак, ключарь Tobольского собора иерей Иоанн, иерей Иосиф, диакон Петр и иеродиакон Василий обследовали святые мощи и доложили, что при открытии гроба чувствовали они благоухание и видели во гробе христианское тело, коего глаза, перси, руки, ребра, стан и ноги — все в целости, и кожа к костям прильнула, только небольшое обратилось в персть. После литургии совершил торжественное исхождение ко гробу праведного и митрополит Игнатий.

Неизвестным в этот момент оставалось имя праведника. Однако и оно было явлено чудесным образом. В сонном видении имя Симеона названо было митрополиту Игнатию, а также иеродиакону Василию. С тех пор три века прибегали наши православные предки к этим святым мощам, к молитвенному призыванию святого праведного Симеона в своих бедах и трудностях, и не были посрамлены.

Новыми удивительными событиями ознаменовалось перенесение мощей святого праведного Симеона из села Меркушинского в Верхотурье, в Свято-Николаевский монастырь, в 1704 году. Длительные дожди прекратились после переложения святых мощей в новый, специально изготовленный кедровый гроб, и множество народа вместе со священниками и святыми иконами отправились в 40-верстный крестный ход. Всю дорогу шел впереди процессии на коленях Косьма Юродивый. И, когда уставал, говорил: "Брате Симеоне, давай отдохнем". Тогда никакая сила не могла сдвинуть гроб с места. 25 сентября (по новому стилю) мощи праведника были положены в монастырской церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы. С этого дня начали именовать праведного Симеона — "Верхотурским", а день 25 сентября, в память перенесения святых мощей его, стал отмечаться церковным празднованием с отправлением службы.

Под духовным покровительством праведного Симеона Свято-Николаевский монастырь стал истинным духовным центром Уральского края. Сам монастырь был невелик, числился по второму разряду, монахов в нем было около тридцати, а вместе с послушниками, трудниками, сиротами в монастыре проживало до двухсот человек. Но были здесь библиотека и фотография, больница и приют, две гостиницы и мастерские.

Богомольцы приходили и приезжали сюда в течение всего года, особенно в феврале, марте, мае и сентябре. Число таких паломников можно представить по числу просфор, используемых для поминовения. Таких просфор расходовалось до 120 тысяч и более в год. Показательно, что построенный накануне революции Крестовоздвиженский собор был рассчитан на восемь тысяч молящихся, то есть был близок по размерам к Исаакиевскому собору в Петербурге.

Эти тысячи благочестивых православных уральцев и сибиряков, собиравшихся сюда, были опасны для новой власти. Поэтому еще до печально известного изъятия церковных ценностей, на государственном уровне, началось кощунственное надругательство над православными святынями: 25 августа 1920 года народный комиссариат юстиции принял решение "О ликвидации мощей".

Удивительно, что на Урале, где во многих страшных делах местные власти шли "вперед" центра, не смогли выполнить это предписание. Святые мощи освидетельствованы были комиссией, их закрыли, опечатали, запретили поклонение, но изъятие мощей святого праведного Симеона смогли провести лишь в 1929 году! Такова была любовь наших дедов к святому своему заступнику, что через десять лет советской власти – недосыгаемой оставалась святыня.

Но пришло исполнение времени, и выволокли на паперть серебряную раку весом 10 пудов и 8 фунтов, вытащили из нее гроб и увезли...

Мощи вначале использовали для атеистической пропаганды, а когда это стало неприлично – упрятали их в запасники краеведческого музея. Но странное и удивительное дело! Дальний угол помещения, где они лежали в поруганном соборе Александра Невского, оказался восточным углом, и пришелся над алтарной частью того самого придела, который первым был возвращен Церкви в самое недавнее время. А ниже этажом, в том же самом углу, разместились еще одно хранилище, где находились частицы мощей святых угодников из Ново-Тихвинского монастыря... Это ли не чудо Божие?

Потребовалось широкое празднование 1000-летия крещения Руси, и определенная смелость должностных лиц, чтобы мощи святого праведного Симеона были возвращены Православной Церкви и народу. С почестями, с пением акафиста приняли их церковные власти из краеведческого музея. И когда был открыт храм во имя Всемиловитого Спаса в поселке Елизавет, мощи праведника стали предметом поклонения верующих. И потек людской ручеек к своему заступнику. Зазвучал еженедельно у еще простенькой, деревянной раки акафист Святому Праведному Симеону.

Наконец, был возвращен Церкви и Свято-Николаевский монастырь и трудами отца наместника и братии был восстановлен Преображенский монастырский храм. И 24 сентября 1992 года, в канун празднования первого переноса мощей святого праведного Симеона, они снова двинулись в путь, обратно в Верхотурье. С пением "Христос воскрес" внесли раку на территорию Свято-Николаевского монастыря. В середине осени пели Пасху истомившиеся и обрадованные сердца людей.

И вот сегодня собрались мы здесь, чтобы засвидетельствовать перед Богом, перед нашим народом, перед всем миром, что жива еще вера Православная в России, жива еще благодарная память потомков к своему родному уральскому Святому. И где те силы, которые на протяжении долгого времени пытались вытравить из народа о нем память? Господь их рассеял, ибо неведомым и только Ему одному известным путем ведет Господь Россию, всех нас – к славе былой, к ее былому величию.

И дай Бог, чтобы мы все, россияне, оказались достойными этого пути.

Аминь.

Е.К.Золотов

АРХИТЕКТУРА ПАЛОМНИЧЕСКОГО ХОДА К МОЩАМ ПРАВЕДНОГО СИМЕОНА ВЕРХОТУРСКОГО

Архитектурное наследие Верхотурского края многолико и примечательно как исторической содержательностью, так и художественной ценностью. Вряд ли будет ошибочным утверждать, что памятники распространения православия в этой части Урала составляют одну из самых многочисленных групп, к тому же прямо или косвенно связанную с культом Чудотворных мощей Праведного Симеона Верхотурского. Это предположение послужило толчком для обобщения исторических сведений и результатов натурного обследования разновременных памятников церковно-монастырского зодчества Верхотурья и его исторической округи. В течение более двух веков культ Чудотворных мощей находил зримое воплощение в монастырских храмах, приходских церквях и придорожных часовнях. Этот процесс включал основные этапы:

в 1710-е – 1750-е годы в верхотурском Николаевском монастыре развертывалось первое каменное строительство как следствие обретения обителью Чудотворных мощей;

в 1800-е – 1860-е годы возводились первые каменные церкви и часовни на пути, соединявшем Верхотурье с Меркушино – местом подвижнической жизни и погребения Праведного Симеона;

в 1890-е – 1910-е годы верхотурский Николаевский монастырь превратился в крупнейший архитектурный ансамбль Урала, а паломнический маршрут из Верхотурья в Меркушино приобрел высокую степень насыщенности объектами православного культа.

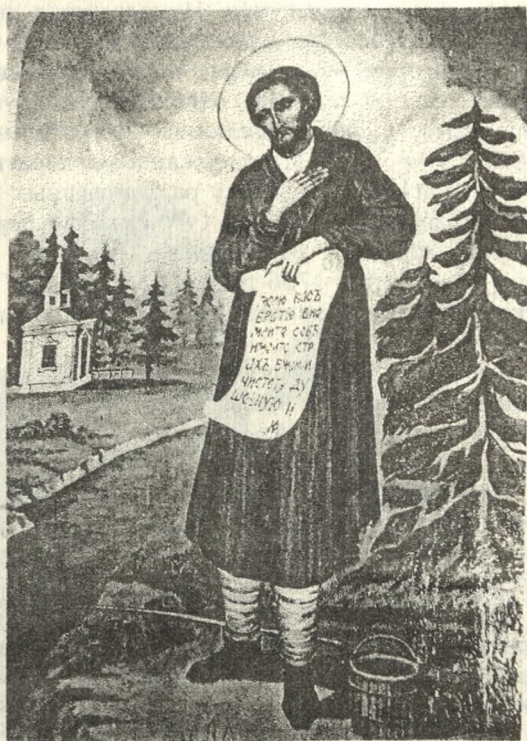
В годы советской власти Верхотурье и его историческая округа настолько изменили свой облик, что представление о ярких страницах религиозной жизни этого края можно было составить только из малодоступных изданий предреволюционного времени¹. Единичные сохранившиеся памятники храмовой архитектуры утратили смысловую связанность с культом Чудотворных мощей Праведного Симеона и стали восприниматься как обособленные образцы церковного зодчества далеких окраин.

Попробуем реконструировать паломнический маршрут к Чудотворным мощам Праведного Симеона в том виде, в каком он оформился к 1910-м годам, то есть на этапе наибольшей религиозной популярности не только на Урале, но и в других регионах России.

Пешие паломники, следовавшие в Верхотурскую обитель по Горо-Благодатскому тракту, имели возможность найти приют на монастырской заимке Актай, располагавшейся в уединенном месте на берегу реки Актай – притока реки Туры.

Сдержанный и строгий облик заимки со стороны главного входа контрастно сочетался с удивительно живописным ее видом, открывшимся со стороны реки. На береговой кромке стояла деревянная Богородицкая церковь (1888, 1894 гг.) с трехглавным венчанием, а чуть ниже, на береговом откосе, находились каменная часовня (1888 г.) построенная над источником чистой воды. В глубине усадьбы в две линии размещались четыре крупных корпуса (1903 – 1904 гг.). Первые два – настоятельский и трапезный, – отличались выразительной пластикой кирпичного декора. У двух других – богомольческого и братского – срубы были обшиты, а окна украшены рамочными наличниками. Усадьба заимки старательно благоустроена, ее центральные аллеи, образывавшие крестообразный рисунок в плане, обсажены декоративным кустарником. Живописные тропинки вели к уединенным уголкам в окружении кедров, елей и лиственниц.

Оставив заимку, паломники по лесной дороге выходили на Горо-Благодатский тракт и после двух-трех часов пешего хода оказывались на возвышенном правобережье речки Мостовой – притока реки Туры. С этого места, отмеченного Петро-Павловской часовней (утрачена), впервые открывался вид города Верхотурья и его храмов. На первом плане просматривались крутые откосы противоположного берега р. Мостовой, за ними виднелась мозаичная полоска крыш одно-двухэтажных домиков, над которой словно парил семиглавный Крестовоздвиженский собор (1913 г.) – усыпальница Чудотворных мощей Праведного Симеона. Новый монастырский собор был так велик и монументален, что вертикали других верхотурских храмов XVIII – XIX веков воспринимались тонко прорисованными силуэтами.

Каменная Петро-Павловская часовня (1900-е гг.) размещались на участке, обнесённом кирпичной оградой с арочными воротами. Приподнятый на цоколе кубический объём часовни усложнен сферическим покрытием и выступами четырех треугольных фронтонов, ориентированных по сторонам света. В декоративном убранстве фасадов были использованы переработанные формы архитектуры классицизма.

В границах города паломники следовали по улице Богословской (ныне ул. Малышева), ориентированной на Крестовоздвиженский собор. Впечатления богомольцев на оставшемся пути были словно запрограммированы замыслом талантливого режиссера. По мере движения рельеф понижался, а громадный объём собора как бы восходил над горизонтом окружавшей застройки, открывая перед богомольцами протяженный откос левобережья речки Калачика – притока реки Туры. К моменту выхода путников из Ямского района на мост через реку Калачик, взору предстал грандиозный ансамбль старейшей в Зауралье обители, храмы которой были охвачены ожерельем крепостных стен и башен с необычными венчаниями. Правее открывался далекий вид на пойму р. Туры и ансамбль кремлевских построек (1698 – 1914 гг.), отмечавший скалистый мыс. Зрелищную панораму завершил вид Знаменского приходского храма (1808 г.) с высоким изящным колоколенным шпилем.

От калачинского моста дорога начинала подниматься вверх, приближаясь к стенам с крепостными зубцами; достигнув угловой башни, она открывала еще более зрелищный вид на центральную часть города, в то время как сами монастырские храмы исчезли из поля зрения, скрытые крепостными стенами обители. За юго-западной башней перед богомольцами предстал главный вид на Николаевский монастырь, отличающийся наибольшим благолепием. Уходящую в перспективу крепостную стену прорезала надвратная Симеоно-Аннинская церковь (1856 г.) со святыми воротами. За ними словно восходили по спирали разновысокие Николаевская церковь (1736 г.), Преображенский (1837 г.) и Крестовоздвиженский (1913 г.) соборы. За святыми воротами, уже на территории монастыря, открывался вид на правильно спланированную вместительную площадь, оформленную крупными двухэтажными кирпичными корпусами. Особо выделялись настоятельский (1808 г.) и братский третий (1901 г.) корпуса. Их сдержанное декоративное убранство эффектно подчеркивало фасадную пластику размеренных монастырских храмов.

Николаевская церковь (утрачена) – первая каменная усыпальница Чудотворных мощей, – отличалась наибольшей архаичностью своего облика, хотя была возведена в 1736 году. Свое "древнее" обличье она приобрела благодаря декоративному убранству, близкому архитектуре узорочья допетровского времени.

Преображенский собор (утрачены колокольня и купол на цилиндрическом световом барабане) представлял собой образец храма с трехчастным осевым планом и стилистикой, сочетающей формы архитектуры классицизма и барокко.

Симеоно-Аннинская надвратная церковь (1856 г.) отличалась своеобразной объемной композицией и выразительным декоративным убранством, которое воспроизводило кирпичную пластику старых монастырских святых ворот (1750-е гг.).

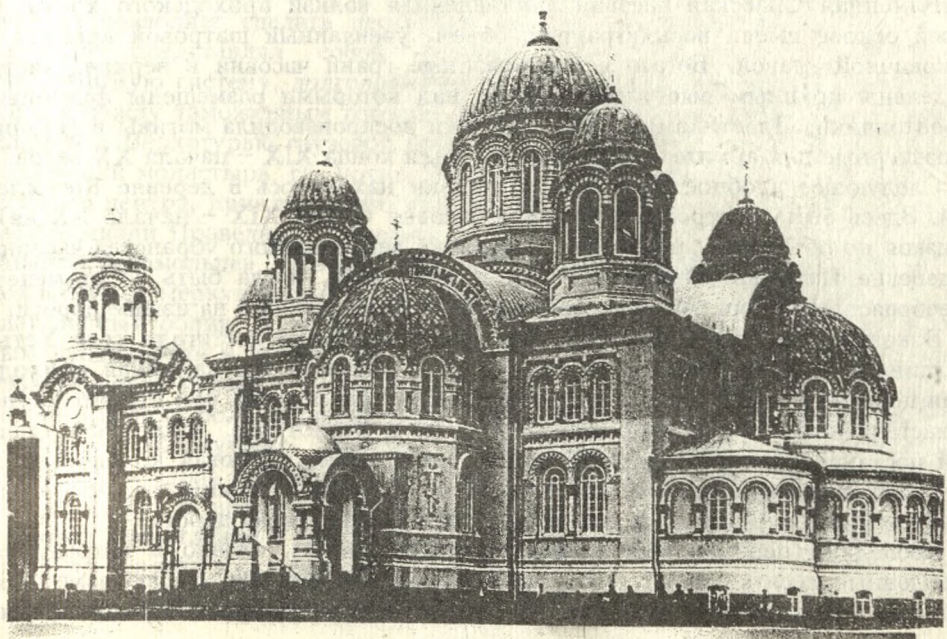
Крестовоздвиженский собор – самая значительная постройка пермского архитектора А.Б. Турчевича, – сразу же после возведения стал играть роль ведущей архитектурной доминанты монастыря, площадь которого к 1904 году уже составляла 11 гектаров. При всей необычности облика нового собора среди старых верхотурских храмов, в его объемах и декоративном убранстве

просматривались черты подобия с отдельными архитектурными формами и мотивами других монастырских строений, что позволило не только усложнить пространственную композицию архитектурного ансамбля, но и добиться выразительного контраста и общности его главных зданий.

Почетные гости Николаевского монастыря имели возможность останавливаться в специальной гостинице, возведенной в духе архитектуры боярских хором XVI – XVII веков. Кедровые срубы дома почетных гостей (1914 г.), поставленные на каменные палаты, были покрыты высокими скатными кровлями из гонта. Составной объем здания эффективно усложняли крытый балкон-гульбище и три крыльца. Эта гостиница располагалась в отдалении от монастырских храмов в окружении лиственниц и кедров.

В самом Верхотурье, вне стен Николаевской обители, богомольцы посещали часовню над могилой Космы Юродивого. Она находилась на площадке Троицкого мыса вблизи скалистого обрыва. Отсюда открывался завораживающий вид на верхотурские храмы, в том числе и на Покровский женский монастырь (основан в 1621 г.). Живописные изгибы реки Туры объединяли многочисленные храмовые вертикали и окружавших их застройку в единое художественное целое. И, словно на контрасте этого великолепного зрелища, могилу убогого верхотурца Космы, скончавшегося в 1680 г., отмечала скромная деревянная часовня в ограде.

Паломников, уходивших в Меркушино, дорога вела мимо кремлевского ансамбля с Троицким собором (1703 – 1712 гг.), мимо приходской Спасо-Воскресенской церкви (1806 г.), тюремного замка (1839 г.). На выходе из города начало пути протяженностью 56 верст акцентировала каменная Троицкая часовня (1866 г.). Эта часовня (утрачена) имела несколько упрощенную декоративную пластику фасадов.

Сотворив молитву и окинув прощальным взором святые главы верхотурских церквей, паломники оставляли справа чудское городище у реки Неромки и углублялись в лесные чащи, через которые проходил Ирбитский тракт. Далекий путь требовал остановок для отдыха и ночлега. Если попутные деревни и села давали путникам кров и хлеб, то приходские церкви и часовни укрепляли духовно. Примечательно, что в начале XX века на паломническом маршруте в Меркушино наиболее ходкие богомольцы были в состоянии каждый день пути миновать храм или часовню.

Большая каменная часовня в деревне Путимке (1868 г.) была выстроена с алтарным помещением, что позволяло со временем ее преобразовать в церковь. Поля, окружавшие деревню, обеспечивали обзор часовни с далеких расстояний. В декоративном убранстве на фасадах постройки были использованы элементы так называемого русского стиля.

В версте за деревней Путимкой Ирбитский тракт уходил к югу, на село Прокопьевская Салда, а дорога в Меркушино продолжала следовать вблизи извивающегося русла реки Туры. Село Красногорское открывалось путникам неожиданно и оставляло глубокое впечатление. Одним из трех разновысоких мысов был отмечен каменным Спасским храмом (1804, 1875 гг.) и каменной одноименной часовней (1900-е гг.). Транзитная дорога, спускавшаяся к основанию мысов, открывала прекрасный вид на богатое село, улицы которого веером расходились от центра к периферии. Красногорское своей известностью было обязано крестному ходу с иконой Спаса Нерукотворного Образа, ежегодно совершавшемуся в Верхотурье и обратно. Крестный ход проводился в честь чудесного спасения иконы из верхотурского Троицкого собора, попавшей во время пожара в воду и обнаруженной неповрежденной ниже по течению р. Туры в селе Красногорском. Почитаемая Чудотворная икона с 1804 года находилась в каменном приходском храме. Спасская церковь (утрачена колокольня и главы придельных храмов) отличалась подчеркнuto укрупненными размерами и выразительным силуэтным построением. В декоративном убранстве фасадов были переработаны формы и детали архитектуры барокко, характерные для церковного зодчества Западной Сибири.

Каменная Спасская часовня, поставленная вблизи приходского храма, в своей основе имела восьмигранный объем, увенчанный шатровой кровлей с луковичной главой. Богато декорированные грани часовни в верхней части выделены крупным выступом карниза, над которыми размещены фигурные фронтоны. Пластика фасадов постройки воспроизводила мотивы и детали, характерные для архитектуры русского стиля конца XIX – начала XX веков.

Следующее удобное место для остановки находилось в деревне Костылевой. Здесь была построена кирпичная часовня (конец XIX – начало XX вв), близкая по объемному решению и трактовке декоративного убранства часовне в деревне Путимке. Она, также как и путимская, могла быть со временем преобразована в церковь. Часовня эффектно располагалась на изгибе дороги.

В конце следующего дневного перехода паломники достигали села Усть-Салдинского, в центральной части которого возвышалась каменная приходская церковь (1893 г.), использованная в качестве образца при строительстве монастырского Покровского храма (1902 г.) в Верхотурье. Благодаря удачной постановке усть-салдинской церкви, ее высокая шатровая колокольня и купол на восьмигранном световом барабане (утрачен) служили далеким ориентиром в пойме р. Туры, вдоль которой проходила старая дорога.

Последний переход был самым протяженным. И, словно в награду за пройденные десятки верст, взору открывался далекий вид с едва заметным силуэтом Меркушино – столь желанной цели для изнуренных дорогой путни-

ков. На подходе к Меркушино путники останавливались в д.Трубиной с каменной часовней (1869 г.), построенной вблизи места, где Праведный Симеон ловил рыбу и предавался молитвам под сенью высокой ели (часовня и ель не сохранились).

Меркушино предреволюционного времени можно было назвать одним из наиболее красивых сел Урала. В центральной части Меркушино на высоком берегу реки Туры, усеянном выходами скальных пород, размещался зрелищный архитектурный ансамбль. Его церковные доминанты – Михаило-Архангельский (1809, 1869 гг.) и Симеоновский (1886 г.) храмы, – были объединены в зримое целое не только береговым откосом реки Туры, но и выразительным взаиморасположением других строений, включавших длинный коридор между храмами, кирпичную ограду с несколькими входами на церковную усадьбу, парадную многомаршевую лестницу, ведущую от речной пристани к Михаило-Архангельскому собору в служебный корпус с иконной лавкой на юго-западном углу усадьбы. Горизонтальная площадка, на которой возведен Симеоновский храм, была выдвинута из берегового откоса и укреплена ломаным выступом стены, сложенной из дикого бутового камня.

Композиция Михаило-Архангельской церкви (сохранилась колокольня), возведенной по образцу красногорской Спасской церкви, строилась на контрастном противопоставлении вертикальных объемов колокольни и храмового четверика, словно выраставших из массивного яруса боковых придельных храмов.

Симеоновскому храму необычность облика придавал цельный восьмигранный объем, покрытый шатровой кровлей с диагональным пятиглавым венчанием.

За меркушинским ансамблем размещался крупный краснокирпичный корпус богомольческой гостиницы (начало XX века). Благодаря положению на высоком месте, гостиница эффектно дополняла приречную панораму села. Главный фасад двухэтажной гостиницы украшали ступенчатые фронтоны и наличники высоких арочных окон, в большей степени характерно для храмовой архитектуры конца XIX – начала XX веков.

Мысленное путешествие по богомольческому пути из Верхотурья в Меркушино позволяет сделать несколько важных наблюдений. Паломнический маршрут представлял собой территориально развитую архитектурно-ландшафтную систему, долговременно формировавшуюся вдоль исторической дороги между таможенным городом Верхотурьем и селом Меркушино – ближайшей к Верхотурью грузовой пристанью на реке Туре. Верхотурский Николаевский монастырь, где почивали Чудотворные мощи, выступал в качестве главного центра, привлекавшего паломников. Меркушино – место подвижнической жизни Праведного Симеона, – играло роль другого "полюса", притягивавшего богомольцев. Поэтому неслучайно, что верхотурский Николаевский монастырь и меркушинский храмовый ансамбль приобрели выразительный и великолепный облик. Путь богомольцев, проходивший по зрелищным природным ландшафтам в прибрежной полосе реки Туры, был насыщен объектами православного культа – приходскими церквями и придорожными часовнями, которые играли роль религиозно значимых ориентиров на дороге между Верхотурьем и Меркушино. Памятники церковно-монастырского зодчества, размещавшиеся вдоль паломнического маршрута, занимали ведущее положение в ландшафтном и архитектурно-пространственном окружении, что оставляло глубокие впечатления у богомольцев и способствовало распространению популярности верхотурских святых мест в народе.

Останавливаясь на особенностях храмовой архитектуры богомольческого пути, следует отметить композиционное и художественно-стилистическое разнообразие, которое в ряде случаев сочеталось с чертами общности и подобию архитектурных форм, как результат строительства по образцу. И, наконец, в ряду храмовых — "памятников архитектуры" паломнического маршрута следует особо выделить Симеона-Анненскую церковь Верхотурского Николаевского монастыря, меркушинский Симеоновский храм и верхотурский Крестовоздвиженский собор как наиболее яркие образцы уральского церковного зодчества второй половины XIX — начала XX веков.

Заглядывая в будущее, можно предположить, что реабилитация культа Чудотворных мощей Праведного Симеона будет сопровождаться строительством новых церквей и часовен, в то время как утраченные материальные свидетельства народной памяти о подвижнической жизни уральского праведника, по-видимому, будут оставаться в области интересов истории и искусствоведения.

Баранов В.С. Летопись Верхотурского Николаевского мужского общежительного монастыря Екатеринбургской епархии. Нижний Новгород, 1910.

Он же. Свято-Троицкий собор в городе Верхотурье Пермской губернии (к 200-летию со времени освящения собора). Нижний Новгород, 1909.

Кривошеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии с общим историко-экономическим очерком. Пермь, 1910.

Макарий. Описание города Верхотурья. СПб., 1854.

Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902.

Шишонко В.Н. Пермская летопись. Период V. Часть 2. Пермь, 1887.

П.А.Корчагин, Е.А.Угрюмова

ВЕРХОТУРСКИЙ ДЕРЕВЯННЫЙ КРЕМЛЬ XVII СТОЛЕТИЯ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Памяти Ю.М. Кутакова

Еще И.Е.Забелин писал, что с деревянных крепостей мы можем начинать историю нашего зодчества¹. Само существование русского города вплоть до XVIII в. обязательно начиналось с возведения крепостных стен. Оборонительные сооружения "не только выполняли защитные функции, они определяли и параметры города, служили своеобразным фоном для гражданских и культовых зданий"².

Это замечание Н.П.Крадина совершенно справедливо, но существовала и обратная зависимость: социально-экономическая история города оказывала серьезное влияние на планировку, конструктивные особенности и состояние укреплений. Поэтому авторами была предпринята попытка комплексного историко-архитектурного исследования и реконструкции деревянного кремля г. Верхотурья XVII в. Комплексное исследование подразумевает выявление социально-экономических, социально-политических и прочих факторов, влиявших на формирование укреплений в том конкретном виде, в котором они существовали, изучение динамики их строительства (ремонт, перестройки, их этапность), планировки и реконструкцию внешнего вида оборонительных укреплений Верхотурья. Образно говоря, такое исследование есть сочетание истории "города людей" и "города зданий".

История верхотурских укреплений нами уже рассматривалась (в аспекте принципиальной оценки их функциональных, оборонительных качеств) в статье, где было установлено, что они были более приспособлены к выполнению транзитно-транспортных задач, нежели оборонительных³. Однако для нужд комплексного исследования установление одного этого факта недостаточно, поэтому попытаемся восстановить историю кремля и острога более детально, чтобы создать по возможности полную картину их существования.

Для этого применим простейший аналитический прием: изложим известные нам сведения в хронологическом порядке, обращая особое внимание на наличие в тексте документов терминов "кремль", "городни", "тарасы", свидетельствующих о наличии внутренней крепости. Термин "город" как многозначный⁴, очевидно, не может быть точно интерпретирован. Позволим себе также некоторые комментарии по ходу изложения.

Итак, строительство города Верхотурья началось в 1597 г., когда чердынский воевода С.Шестаков выбрал место "крутого камени горы от воды вверх высотой саженой с двенадцать и больше", а шириной "60 саженой больших". По мнению воеводы, "место и без *городовой стены всякого города крепче*" (выделено здесь и далее мной — П.К.), поэтому для усиления естественной неприступности Троицкого камня он предлагал лишь "по тому месту велеть хоромы поставить в ряд, что город же, да избы поделать и дворы поставить постенно"⁵.

Правительство поручило строительство нового города еще одному чердынскому воеводе В.П.Головину и, согласясь с "рописью" С.Шестакова, указало "...и вы б сделали нового города 3 стены, а с четвертой стороны от реки Туры, велели поставить хоромы в стену... а *городовые стены не ставити*"⁶.

Археологическое изучение остатков деревянного "города" невозможно, поскольку он практически полностью разрушен при возведении каменного крем-

ля, а показания письменных источников начала XVII в., содержащие описание первых городских стен, настолько отрывочны, что допускают, по крайней мере, два возможных варианта.

Первый: в 1598 г. оборонительные сооружения были построены в полном объеме. Возможно, что под формулировкой "городовой и острожный чертеж" следует понимать описание кремлевских (городными) и посадских (тыном) стен.

Однако мы склоняемся признать более вероятным второй вариант: вокруг всей территории Верхотурья (кроме 60 сажен вдоль обрыва Троицкого камня) был возведен "стоячий острог". Капитальные городни отсутствовали изначально, иначе как объяснить то, что в 1621 г. Ф.Тараканов, описывая Верхотурье и слободы "не заметил" кремля⁷. Симптоматично, что правительство посылало его "Верхотурский острог сметить, сколько в том остроге ворот и башен"⁸. Складывается впечатление, что в Верхотурье "города" не было. Если исходить из данного положения, то логично объясняются многие особенности планировки, конструкции и содержания верхотурских укреплений.

В грамоте Михаила Федоровича воеводе Н.Борятинскому о строении новых укреплений (1624 г.) читаем: "а острогу по мере печатных 630 сажен да 8 башен, а лесу доведетца на Верхотурский острог и на башни 10000 бревен..."⁹. Заметим, что царский указ выполнен так и не был.

В 1625 г. воевода Д.П.Пожарский-Лопата, сменяя на этом посту М.Борятинского должен был "печатать и острожные ключи и в съезжей избе всякие дела и городовых и острожных крепостей и наряду пересмотрети". По результатам "высмотра" воевода докладывал, что "... На Верхотурье на остроге и башнях наряду никакого нет"¹⁰. Во исполнение царского указа, разваливающиеся укрепления Верхотурья были коренным образом перестроены воеводой Пожарским зимой 1625-1626 гг.

В отписке воеводы Н.Мещерского (1641-42) прямо сообщается: "И Верхотурский острог поставлен тыном, а тарасов и обламов и никаких крепостей нет, тот острог прогнил и во многих местах повалился, а которые прясла и стоят, и те с обеих сторон на подпорах ...И старого, государь, острогу поделать не уметь: весь подгнил. А около, государь, того Верхотурского острогу меж башен пять прясел, мерою в пяти пряслах твоих государевых печатных 643 сажени, опричь того, что по камешу от Туры реки порозжего места 50 сажен. А острогу на том месте, государь, ставить ненадобно, потому что место крепкое, и без острогу тому мочно быть, только государь, надобно поставить на том месте одна башня. А лесу на острог и на щек да на 4 бои отводные надобно 8228 бревен, по полутретье сажени бревно, а в отрубе в пять вершков, да на угольную башню да в ней на два мосты и на лешницы 240 бревен, по три сажени бревно, да на тое ж башни на обламы 10 бревен, по получетвертые сажени печатные бревно; проезжие, государь, трой ворота да наугольная башня только надобно вновь покрыть драницами; а старая кровля погнила и развалилась, а на кровлю на трой ворота да на старую и новую башни надобно 1500 драниц"¹¹.

Мы позволили себе такую обширную цитату по нескольким причинам: во-первых, чтобы убедиться в том, что нет упоминаний об укреплениях кремлевского типа; во-вторых, потому, что здесь приводятся стандарты заготовки строевого леса; и, в-третьих, отписка воеводы Мещерского содержит косвенное описание "ostroга Пожарского" и набросок плана "ostroга Мещерского". Как видно из документа, "ostroг Пожарского", простоявший с 1626 по 1642 год, состоял из острожных стен и четырех "боев отводных" (своеобразных одноэтажных башен), из которых три бы-

ли проезжими. В состав "ostroга Мещерского" добавилась еще одна башня, поставленная на Троицком камне.

1657 г. — в отписке воеводы И.Хитрово о пожаре упоминается, что сгоревший "ostroг ставили и двор (гостиный — П.К.) строили ... всяких чинов людьми"¹². "Оstroг Хитрово" был выстроен после пожара 9 октября 1657 г. в течение 1657-1658 гг.

И, наконец, в 1674 г. произошел новый большой пожар, в котором "ostroг и башни и соборная церковь ... и приказная изба ... воеводский и подъяческий... дворы сгорели без остатку"¹³. Этот источник интересен тем, что упоминает объекты, находившиеся на Троицком камне, т.е. бушевавший там пожар неминуемо должен был уничтожить и кремль — если бы тот существовал.

Таким образом, мы можем определенно считать, что до конца третьей четверти XVII в. верхотурские укрепления представляли собой острог поставленный тыном с несколькими башнями, а более совершенных фортификаций так и не было выстроено. Это неудивительно, если вспомнить, что город был построен как перевалочный пункт в стратегическом тылу уже освоенного Обь-Иртышского региона Сибири, и ни разу за свою историю не подвергался осаде.

Однако в третьей четверти XVII в. кремль все-таки был поставлен: он упоминается в описях Г.Ф.Нарышкина (1687 г.)¹⁴ и И.Е.Цыклера (1694 г.)¹⁵. Их тексты достаточно обширны, кроме того они опубликованы, поэтому мы сочли возможным не прибегать к цитированию. Причины этого строительства и точные даты оба источника (а это своеобразные акты приемки-сдачи имущества при смене воевод) не отражают, кроме того, не сохранилось ни одного изображения деревянного кремля Верхотурья, что чрезвычайно затрудняет задачу его реконструкции. Поэтому мы вынуждены были использовать источники, ранее не привлекавшиеся для подобного рода исследований. Для начала попытаемся определить время возведения кремля, описанного Нарышкиным, и кремля описи Цыклера.

"Бунташный" век был очень насыщен проявлениями классовой борьбы. А.А.Преображенский отмечал, что подъем народных движений на Урале и в Западной Сибири начала 70-х гг. XVII в. совпали по времени с тем моментом, когда главные очаги крестьянской войны С.Т.Разина выходили из борьбы. В 1671 г. были отмечены выступления крестьян Кунгурского и Верхотурского уездов, а в 1673 г. произошли волнения в некоторых слободах Верхотурского уезда и большое восстание в Кайгородке и уезде. Именно социальная нестабильность в регионе стала непосредственной причиной строительства первого верхотурского кремля, очевидно, в 1674 — 1675 гг. сразу после большого пожара. Руководить строительством должен был либо воевода стольник Федор Григорьевич Большой Хрущев, либо пришедший ему на смену в 1675 г. стольник Иван Федорович Пушкин¹⁶. Назовем первый кремль Верхотурья (описанный Г.Ф.Нарышкиным в 1687 г.) условно "кремлем Пушкина". В пользу нашего предположения свидетельствует тот факт, что в "кремле Пушкина" оборонительные свойства северной стены на Троицком камне усилены путем возведения тарасов. Данное место являлось наиболее уязвимым при осаде, т.к. со всех других направлений кремль прикрывался посадом с острожной стеной. Подобная перестройка предполагает, что у главы гарнизона был страх именно перед внешней опасностью.

Судя по существенному различию описей Нарышкина и Цыклера кремль и острог в период с 1687 по 1694 год подверглись еще одной перестройке. Веро-